

СОВРЕМЕННЫЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

Михаил КАЗЬМИН

ДЕЛАЙ
ЧТО ДОЛЖЕН

Хочешь мира – готовься к войне.

Михаил Иванович Казьмин
Делай что должен
Серия «Современный
фантастический боевик (АСТ)»
Серия «Через семь гробов», книга 1

текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43598095
Михаил Казьмин. Делай что должен: Издательство АСТ;
Издательский дом «Ленинград»; Москва; 2019
ISBN 978-5-17-117643-3

Аннотация

XXIV век. Человечество обжилося в космосе, не встретив никаких «братьев по разуму». Но ему, человечеству, и так не скучно. Белые люди живут отдельно, черные отдельно, желтые отдельно, христиане отдельно, мусульмане отдельно... Потому, видимо, до большой войны дело так и не доходит – в космосе места хватает. Однако же, как говорится, хочешь мира – готовься к войне.

Роман Корнев, бывший летчик-истребитель, пилот и владелец небольшого космического транспорта, согласился подвезти приличного вроде бы человека, а в результате получил кучу проблем, а адреналина в жизни стало столько, что хоть делись,

но все с неприятными и опасными довесками. Но сам себе не поможешь – и тебе никто помогать не станет. Вот и старается Роман Корнев со всеми этими проблемами разобраться.

Но русского человека, как известно, хрен съешь. Хотя пожевать могут так, что мало не покажется, мать их через семь гробов с присвистом...

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	23
Глава 3	41
Глава 4	58
Глава 5	77
Глава 6	96
Конец ознакомительного фрагмента.	105

Михаил Казьмин

Делай что должен

© Михаил Казьмин, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

Глава 1

Все, больше откладывать нельзя. Надо идти либо в контору, либо в бар и искать фрахт. На Нью-Либерти Роман Корнев торчал пятый день, и это было уже слишком. Нет, если, как в этот раз, полет был долгим, три дня, конечно, вынь да положь. А что? Пока разгрузят, пока выполнишь все необходимые формальности, пока твой корабль под твоим же неусыпным надзором заправят топливом, и не каким-нибудь, а каким нужно, пока сам проползешь по всем корабельным закоулочкам да посмотришь, где что нуждается ну если и не в ремонте, то хотя бы в какой-никакой профилактике, пока запустишь по кораблю роботов-уборщиков, а кое-где и сам поработаешь, чай, не барин, – вот тебе и два дня, даже не сомневайся. Третий день уходит либо просто на отдых, либо на отдых активный – в кабаке хорошо посидеть, к девкам сходить... Нет, лучше сначала к девкам, потом в кабак. Поэтому как чего бы там природа ни требовала, после этих девок всегда хочется напиться. Бывало, всю эту обязательную программу удавалось уложить и в два дня – ну, если прилететь с утра, не стать жертвой собственного гормонального фона и чтобы разница в местном и корабельном времени не отправила тебя в самый неподходящий момент в объятия Морфея. Но такое случалось редко, все-таки три дня – это стандарт. На четвертый либо ты находишь фрахт, либо фрахт находит

тебя, и стартуешь ты к новым горизонтам, а там и опять три дня отсчитывай... Да. А тут уже пятый день торчишь.

Роман Корнев, владелец и капитан-пилот очень даже неплохого грузовика «Чеглок» (тип «Север», пятая серия, порт приписки Тюленев Мыс, Александрия, Российская Империя), никак не мог решить для себя, куда же он пойдет искать фрахт – в портовую контору или в бар. Конечно, свои плюсы и свои минусы есть у обоих вариантов. Контора дает список имеющихся запросов и предложений потенциальных заказчиков хотя и неполный, зато состоящий из более-менее приличных людей. Потому что за внесение в базу данных надо платить. Платить не так чтобы и много, но если нет у тебя даже этого, то как считать тебя приличным человеком? Минусов у конторы, правда, аж целых два. Во-первых, там отражаются далеко не все возможности – кто-то жалеет денег, кому-то просто лень туда обращаться, есть и такие, кто не хочет сильно светиться. И вовсе не обязательно, что такое нежелание присуще исключительно криминальным дельцам с темным прошлым, таким же настоящим и совсем уж не светлым будущим. Просто Фронтир – это Фронтир, тут свои обычаи и если ты хочешь сохранить свое имя в тайне, можешь вообще ничего не говорить, можешь назваться как угодно, лезть к тебе в душу и тем более требовать установления твоей личности по всей форме никто не будет. Потому что не принято. Во-вторых, при поиске грузоотправителей через контору за просто можно получить кота в мешке. Кота – это еще ладно,

Корнев, было дело, подрядился не глядя перевезти каких-то экзотических зверушек. Кто ж, мать их в перемать, знал, что они так воняют?! Если же идти в бар, то там, покрутившись среди всяческих отправителей, получателей и перевозчиков, вполне можно не только найти того, кто горит желанием отдать тебе свои кровные за перевозку груза или пассажиров, но и посмотреть ему в лицо, а это тоже немало значит. Еще один плюс – при личных переговорах всегда есть возможность поторговаться и даже какую-то денежку на этом выиграть. Но в баре можно проторчать долго, пока не найдешь устраивающий тебя вариант.

В конце концов Корнев решил проявить мудрость. Вот сейчас он зайдет в контору, потом в бар и сравнит, что есть там и там. Это уже было неплохим началом дня, и Корнев приступил к сборам в куда более приподнятом состоянии духа, чем на старте своих размышлений.

Быстренько собравшись, Роман поглядел в зеркало и остался довольным. Тридцатилетний (ну хорошо, двадцативосьмилетний, но на лице же точный возраст не написан!) хорошего сложения мужчина, русоволосый, сероглазый, лицо, как принято писать в приключенческих книгах, выражает уверенность и спокойствие (ага, уверенность, вон сколько никак решить не мог, куда пойти), побрит, аккуратно пострижен, ну что еще надо? Одежду надо, понятно, так и в этом полный порядок! Слава богу, климат тут просто чудесный, ни жарко, ни холодно, сезон дождей еще не начался и

можно одеться почти что в парадку... Ну по меркам Фронттира, конечно. Серая, со стальным отливом куртка, на плечах черные погоны о трех нашивках золотого (ну ладно, ладно, не золотого, но и не просто желтого) галуна и вышитых той же нитью крылышках, на обоих рукавах почти сразу под погонами бело-сине-красные русские флаги (чтоб видели сразу!), рубашка светло-серая, без галстука, конечно же (галстук на Фронтире – как рюкзак в сортире, хе-хе), брюки того же цвета, что и куртка, черные полуботинки (и носки, носки обязательно черные!), в общем – красавец! Орел!

Кстати об орлах... Корнев подпоясался офицерским ремнем с кобурой, в которой уютно устроился лучевой пистолет «орел». Оружие на Фронтире – это статус. Если ты при оружии, тем более при нормальном лучевом пистолете, а не каком-то там искровике, значит, ты человек серьезный. Ну и применять его Корневу пару раз приходилось, не без того. Конечно, на Фронтире вовсе не везде живут такие отморозки, как на Старканзасе или Томбе, но лучше все же носить при себе килограммовый лучевик, чем в самый неприятный момент вдруг оказаться без него. Для здоровья полезнее, знаете ли.

Хмыкнув и подмигнув своему отражению, Корнев нахлобучил фуражку. О, фуражка – это вообще... Лихо заломленная (на самом деле очень долго, тщательно и старательно сформованная) белая тулья, черного бархата околыш с вышитой (вышитой, а не накладной металлической!) вось-

милучевой звездой в лавровом венке и лаковым козырьком, фуражка сразу показывала всем, кто хоть чуть-чуть понимает – идет капитан-пилот! Именно так, через дефис и в два слова. Потому что хоть «Чеглок» и был изначально приспособлен к управлению и одним, и двумя пилотами, но Корнев летал один. Да, пришлось сдавать не самый легкий экзамен на сертификацию капитана-пилота, да еще и платить увеличенный взнос в гильдию, зато теперь он управляет кораблем один, как привык еще в почти что прошлой жизни... А, чего теперь вспоминать! Было и прошло, и не будем пока об этом. А почему видно по фуражке? Да ничего особенного, просто давно уже, лет пятьдесят, пожалуй, тому назад, сложилась традиция: обычные капитаны носят фуражки с черной тульей, капитаны-пилоты – с белой. То есть капитанами-пилотами официально именовались и первые на двухместных «северах», но их всегда называли просто капитанами. Как на каком-нибудь нормальном большом корабле с многочисленной командой. А настоящий капитан-пилот – это только и исключительно одиночка.

Покинув корабль, Корнев заблокировал вход и бодрым шагом направился к конторе. Почти сразу же выяснилось, что напрасно. В зале не было даже очередей у терминалов, это, конечно, хорошо, но вот то, что эти самые терминалы показывали... Показывали они, что свободный фрахт есть только на Гейю, а это то же самое, что нет никакого вообще. С недавних пор русские подданные были на Гейе персонами

нон грата, так что и кораблям русским там было делать нечего. Ну и ладно, Корнев и сам бы на эту планету педиков ни за какие деньги не отправился. Хватит уже, побывал. Пусть и не на самой планете, но... В общем, пускай грузы им возит кто-то другой, а он, Корнев, пойдет в бар.

Сначала, впрочем, Корнев зашел в диспетчерскую, поинтересоваться, в какое время можно будет стартовать, если фрахт сегодня же и найдется. Выяснилось, что как раз сегодня день исключительно удобный, стартовать можно в любое время, уведомив диспетчеров за час. Ну вот, теперь уже точно в бар.

Баром тут называлось очень приличное заведение в трех шагах от космопорта «Нью-Либерти-2». В России его бы называли трактиром, а тут, поди ж ты, бар. Ну да, накурено, ну да, не стерильно, так не больница же, в конце концов. А столик очень даже чистенький, и стул не скрипит, и вообще, все очень неплохо. Пусть официантку даже в приступе самого неоправданного человеколюбия не назовешь симпатяжкой, зато яичница с салом. Зацените, с настоящим салом! И пиво приятное, легкое такое, но не водянистое, слегка горьковатое, очень приятное светлое пиво. Даже странно, что местное, не мог никак Корнев понять, как это на такой мутной планетке могут варить такое хорошее пиво. Ну да не мог и не надо. Пиво – вот оно, а сюда он не понимать пришел, а позавтракать и поискать варианты...

Ох, и не зря говорят знающие люди: «Ищешь варианты?»

Будь готов к тому, что они сами найдут тебя!», не зря. В поле зрения Корнева, уже прикончившего яичницу и уполовинившего стакан с пивом, бодрым шагом вошел довольно прилично, а по меркам Фронтира даже богато одетый господин, целенаправленно продвигавшийся в направлении оккупированного Романом столика.

– Приятного аппетита, господин капитан-пилот! Всегда радостно встретить соотечественника на чужбине.

Корнев изобразил что-то среднее между вежливым поклоном и дружеским кивком, однако незнакомец явно решил показать, что на чемпионате по хорошим манерам дал бы Роману хорошую фору.

– Позвольте представиться, Лозинцев, Дмитрий Николаевич, коммерсант, – теперь уже не незнакомец, а Лозинцев протянул руку.

– Корнев, Роман Михайлович, капитан-пилот, – пришлось встать и протянуть руку в ответ. – Универсальный грузопассажирский транспорт третьего ранга «Чеглок».

Оба одновременно сели. Лозинцев поднял руку и изобразил в воздухе какую-то фигуру неопределенных очертаний, у столика тут же материализовалась официантка.

– Пива, пожалуйста. Такого же, как у господина капитана-пилота, – официантка перевела взгляд на Корнева и, получив утвердительный кивок, исчезла.

Корнев исподволь рассматривал неожиданного соседа. Надо сказать, господин Лозинцев ему понравился. Сразу

видно, не пустой трепач, а тот самый фрахт. А что вы хотите? Не первый год по космосу мотаемся, научились разбираться-то. Дорогая одежда это еще, знаете ли, не показатель. Но у корневского визави и кроме одежды, вид был что надо. Лет сорока, может, с небольшим, высокий и статный, Лозинцев всем своим видом показывал значительность и важность, но так, без пренебрежения к собеседнику, что умеют делать только удачливые коммерсанты и более-менее хорошие офицеры. Причем в лице коммерсанта бросалось в глаза именно его выражение, а никак не черты. Какое-то лицо оказалось совершенно не запоминающееся, хм, странно даже.

– Я так понимаю, Роман Михайлович, вам нужен фрахт, – начал Лозинцев, как только официантка скрылась из глаз, оставив на столе два стакана пива. Решив, что молчание – знак согласия, Лозинцев продолжил: – А мне нужно попасть на Райнланд.

А так все хорошо начиналось... Одной фразой собеседник перечеркнул все надежды Корнева. Конечно, не так дурно Роман был воспитан, чтобы сразу посчитать уважаемого Дмитрия Николаевича сумасшедшим, но Лозинцев сам, никто его за язык не тянул, показал, что, как бы это помягче выразиться, не в полной мере ориентируется в наличествующей политико-экономической ситуации. Вот примерно так. Лететь с Нью-Либерти на Райнланд – это все равно, что зайти к господину Н., который ну просто люто ненавидит господина М., и вежливо этак поинтересоваться: «Кста-

ти, а как поживает наш общий знакомый М.? Я вот как раз к нему в гости собрался...» Германцев на Нью-Либерти именно ненавидели, и лететь на их столичную планету отсюда... Нет, можно, конечно. Свободу навигации никто еще не отменял. Вот только у тебя вдруг начнутся проблемы. И сразу, и потом, когда опять окажешься на Нью-Либерти. Сам Корнев с этим не сталкивался, но люди рассказывали... Корабль тебе вовремя не заправят, или совершенно неожиданно окажется, что нужной марки топлива в наличии нет. То есть, конечно, есть, но, видите, какая незадача, все уже заранее заказано и оплачено, а когда завезут, просто никто не знает... Или еще какая неприятность возникнет буквально ниоткуда... И все будут вежливо так извиняться, но легче от этого не станет... В общем, надо бы от господина Лозинцева как-нибудь аккуратненько отделаться, пока он не повторил свое предложение, а то еще и услышит кто... Нет, сам Корнев ни против Райха, ни против полета на его столичный мир ничего не имел, но и неприятностей очень хотелось бы избежать. Тем более что летать на Нью-Либерти было делом выгодным, грузы сюда возились по меркам Фронтيرا недешевые, платили за их перевозку соответственно, и лишать себя таких возможностей было бы неумно.

– А получше вы ничего не могли придумать? – в деле избавления от явно неадекватного кандидата в пассажиры Корнев все-таки решил аккуратностью пренебречь.

– Мог, – с готовностью отозвался Лозинцев. – И даже при-

думал. Отсюда я зафрахтую ваш корабль на Тринидад, а там оформим новый фрахт, уже до места.

Вот это уже дело. Против Тринидада тут никто ничего не имеет, значит, и лететь туда можно совершенно спокойно. А уж куда ты отправился с Тринидада, здесь не волнует вообще никого.

– Груз у вас какой? – спросил Корнев.

– Никакого, – весело ответил Лозинцев. – Только один пассажир. – Без всяких жестов, одним выражением лица коммерсант показал, что этот пассажир он сам и есть.

– Дмитрий Николаевич, но вы, думаю, понимаете, что платить придется как за минимальную стандартную загрузку?

– Разумеется, Роман Михайлович, разумеется.

Вообще прекрасно! Если человек готов платить за перевоз своего брэнного тела, как за пять кубометров генерального груза, да еще и с промежуточной посадкой, отчего бы ему не помочь, тем более не бесплатно? Корнев прикинул, как в результате этого фрахта изменится его банковский счет, и настроение капитана-пилота стало просто прекраснейшим.

– Что ж, Дмитрий Николаевич, тогда прямо сейчас и пойдём в портовую контору? – радушно улыбнувшись, предложил Корнев. – Если все будет хорошо, часа через полтора уже в пути будем.

– Ну уж давайте не прямо сейчас, – видно было, что пред-

стоящие затраты господина Лозинцева совершенно не печалют. – Пиво хотя бы допьем, больно оно тут хорошее...

По пути в контору Корнев про себя отметил, что прав был Лозинцев насчет радости от встречи с соотечественником, еще как прав. Честно говоря, Роман и сам предпочитал иметь дело со своими, русскими. Нет, конечно же, договориться можно со всеми. Ну, или почти со всеми. Но со своими все равно лучше. И договориться проще, и вообще... Прокрутив в мыслях недавний разговор с Лозинцевым, Корнев для себя прикинул, как бы на ту же тему шли переговоры ну скажем... да с кем угодно. Вот, кстати, сразу вам и разница: с русским – разговор, с другими – переговоры, чувствуете? Ну и язык, конечно. Русскому человеку куда приятнее разговаривать по-русски, чем на интерланже – упрощенном и исковерканном английском, который и в оригинале-то особым благозвучием не отличается.

Да и с расчетами куда как удобнее. Деньги на Фронтире ходят самые разные, в основном доллары или райхсмарки. Пока мотаешься по Фронтиру, это особых проблем не создаст, а вот возвращаться с этими деньгами домой... Марки ладно, без проблем, а кому в России нужны доллары? И потому, если эти самые доллары скапливались, перед возвращением Корнев или менял их на марки, или закупал то, что можно продать в России, желательно оптом и с выгодой. Оптом – чтобы сильно не морочить себе голову, а с выгодой – ну, вы сами понимаете. А тут все просто, рассчитаемся родными

рублями. Нет, хорошо все-таки, что Корнев встретил своего, хорошо.

Справедливости ради стоило отметить, что отдавать предпочтение своим на Фронтире было не так уж и сложно. Русских здесь немало. И деловых людей, и авантюристов (разница, правда, между первыми и вторыми иной раз совершенно не просматривалась), и таких же, как сам Корнев, свободных навигаторов. Да и русских кораблей тут тоже хватало. Что и неудивительно... Наибольшей популярностью у всех, кто возил грузы на Фронтире, пользовались как раз корабли такого класса, как корневский «Чеглок» – небольшие, скоростные и универсальные. А строили такие корабли крупными сериями только Россия, Запад да Райх. Причем русские «севера» были среди своих собратьев-конкурентов едва ли не лучшими. Нет, конечно, западные «фридомы» брали груза побольше, а хитроумная модульная конструкция германских «вестервальдов» позволяла при необходимости превратить корабль хоть в танкер, хоть в небольшой круизный лайнер или очень большую яхту, кому как больше нравится (Корнев сильно подозревал, что и в весьма зубастый, хоть и маленький, вспомогательный крейсер тоже), но и те, и другие уступали «северам» в скорости, да и было этих самых «северов» больше. Настолько больше, что их уже начали строить для иностранных заказчиков – Корнев уже не раз и не два встречал двойников своего «Чеглока» под самыми разными флагами. Впрочем, «флагами» – это говорилось так, по тради-

ции. Какой в безвоздушном пространстве может быть флаг? Поэтому цветные полотнища, некогда гордо развевавшиеся на мачтах кораблей морских, на их космических потомках просто рисовали на бортах светящейся краской.

Вообще, Корнев любил Фронтир. Очень уж местная свобода и независимость были близки духу нормального русского человека, потомка землепроходцев, казаков, да чего далеко ходить за примерами, и первых космических поселенцев тоже. Строго говоря, никакого единого Фронтира не было в природе. Под этим гордым именем подразумевались несколько десятков планет на самом краю освоенного людьми космоса, заселенных совсем уж лихими и предприимчивыми пионерами, в массе своей выходцами с миров того сектора, который в России попросту называли Западным космосом или, совсем уж по старинке, Западом. Вот чего, кстати сказать, Корнев совершенно не понимал, так это стремления людей этого самого Западного космоса к какой-то совершенно нездоровой свободе. Бросить все, ринуться черт знает куда, чтобы только вырваться из-под опеки любимых властей, которые ни единого дня не пропускали, чтобы лишний раз не напомнить о своей приверженности идеалам той самой свободы, да еще вкуче с демократией, и жить в условиях уж совсем полной свободы? Зачем? Вон у России есть свой собственный фронтир, русские тоже любят осваивать новые миры, но везде, куда приходят русские первопроходцы, туда вместе с ними приходит и Россия. А эти...

Свихнулись они, что ли, на своей свободе? Самое смешное, что полной-то свободы нет и на Фронтире. Все равно приходится и друг с другом договариваться, и каких-то мэров с шерифами выбирать. Нет, не понимал этого Корнев, никак не понимал. Не понимал Корнев и того, почему Запад (это по-русски Запад, а официально – Демократическая Конфедерация) терпит отток своих наиболее активных и пассионарных граждан на Фронтир. Но, понимал он или не понимал, а Фронтир вполне себе жил, кипел, бурлил, всячески развивался и давал тому же Корневу возможность весьма неплохо зарабатывать.

В портовой конторе Корнев отметил у скучавшего дежурного пункты отправления-прибытия и груз, пассажира то есть. Совершить все формальности с договором и произвести оплату Лозинцев предложил уже на «Чеглоке» во избежание чужого (а потому однозначно нездорового и лишнего) внимания. Затем в диспетчерской Корнев быстро уладил вопросы со стартом.

– Ну что, Дмитрий Николаевич, – Корнев вышел из диспетчерской, радостно улыбаясь. – Через час можем стартовать. Если багаж имеется, забирайте и милости прошу!

Багаж коммерсанта Лозинцева состоял всего из одного небольшого чемодана. Нормально, в общем. Деньги электронные, устроиться на всех цивилизованных мирах с комфортом, тем более на недолгое время, тоже не вопрос, так зачем с собой лишний груз возить?

Торопиться было некуда, космопорт небольшой, все рядом, так что до «Чеглока» партнеры шли прогулочным шагом, наслаждаясь погожим деньком, замечательным даже по местным меркам. Здешнее солнце ярко светило и приятно, без излишнего усердия, грело, легкий ветерок приносил запахи чего-то свежего и ароматного – видимо, где-то поблизости были знаменитые местные сады.

На «Чеглоке» Лозинцев сразу заработал себе еще один плюс в глазах Корнева, из двух одноместных пассажирских кают первого класса выбрав себе ту, которая была подальше от капитанской. Правильно, мало ли, шуметь будет или еще что, нечего господина капитана-пилота тревожить, у того и так на сон времени не особо много. Следующий плюс Дмитрий Николаевич получил, сразу же переодевшись попроще и потеплее. Почти на всех «северах», и корневский «Чеглок» исключением не был, было принято держать температуру не шибко высокую, градусов семнадцать, а то и пятнадцать, так что свитер был решением очень правильным. Да уж, приходилось господину Лозинцеву на таких кораблях путешествовать, не раз, не два и не десять приходилось...

На связь вышел диспетчер, сообщив, что тягач будет через десять минут. Корнев пригласил Лозинцева в рубку, при полетах с одним пассажиром это не возбранялось, да и вообще, кто на корабле главный? Не спеша разместились в креслах, Корнев в своем, капитанском, Лозинцев на месте второго пилота. Не имелось, конечно, у Корнева никакого вто-

рого пилота, но конструкция предусматривала для него рабочее место. Просто на таких кораблях, как у Корнева, все системы, положенные второму пилоту, были отключены а их функции переданы на капитанский пульт.

Корнев с радостью отметил, что плюсы его пассажиру шли один за другим. Когда оба пристегнулись, он протянул Роману свой коммуникатор, обратив внимание капитана-пилота на только что появившуюся отметку о совершении платежа. В ожидании тягача Корнев как раз успел убедиться, что уведомление о платеже пришло и ему.

Пока решался вопрос с платежом, подъехал и тягач. Подцепив корабль, тягач медленно и неторопливо, с приличествующей моменту важностью, двинулся к стартовой площадке.

– Транспорт «Чеглок», вы находитесь на стартовой позиции, – ага, знают свое дело диспетчеры, знают, – начинайте прогрев двигателей.

– Диспетчер, я транспорт «Чеглок», прогрев двигателей начинаю.

Когда индикаторы состояния двигателей приобрели веселенький зеленый цвет, Корнев снова вышел на связь с диспетчером:

– Диспетчер, я транспорт «Чеглок», двигатели прогреты, к старту готов.

– Транспорт «Чеглок», внимание, активирую антиграв.

Пол под ногами легонько качнулся, засветились зелены-

ми полосками индикаторы корабельной искусственной гравитации, показывая, что никаких проблем с невесомостью у экипажа (один человек) и пассажиров (также в одном экземпляре) не будет. Медленно и плавно «Чеглок» начал подниматься.

– Транспорт «Чеглок», двигатели в маршевый режим, доложите готовность.

– Диспетчер, я транспорт «Чеглок», запускаю маршевый режим... Готов!

– Транспорт «Чеглок», отключение антиграва через тридцать секунд. Счастливого пути!

– Диспетчер, я транспорт «Чеглок», вас понял, отсчет на отключение антиграва вижу. Спасибо!

На экране индикатора стартового антиграва уже весело сменяли друг друга цифры. Одиннадцать, десять, девять, восемь, семь, шесть, пять, четыре, три, два, один, есть! Чуть-чуть просев, «Чеглок» ринулся вперед и вверх. Тело привычно несильно вдавило в кресло, Корнев в очередной раз бросил взгляд на экран обзора и, легко повернув штурвал, вышел на нужный курс. Убедившись в том, что старт прошел нормально, убрал шасси. Ну вот, осталось пройти систему, где так уютно угнездилась Нью-Либерти, и можно уходить в прыжок.

Глава 2

В прыжок «Чеглок» ушел легко и просто, да и с чего бы тут взяться трудностям? Координаты точек входа и выхода известны и введены в компьютер, никаких аномальных явлений в районе точки входа не наблюдается, все в норме. Прыгнув в гиперпространство, Корнев запустил экспресс-проверку бортовых систем и, когда спустя пять минут выяснилось, что все системы работают в штатном режиме, включил автоматическое управление. Довольно потянувшись в кресле, Роман повернулся к пассажиру.

– Ну вот, Дмитрий Николаевич, если не случится никаких неожиданностей, через сутки с небольшим будем на Тринидаде.

– А что, могут случиться неожиданности?

– Ну, все может быть. Космос... Но с нормальными людьми обычно не бывает.

– А с ненормальными? – живо поинтересовался Лозинцев.

Корнев аж просиял. Его пассажир оказался еще и охоч до космических баек! Ну, Роман и выдал парочку. Грех же не рассказать, если человеку послушать хочется! Байки, конечно, выглядели, как им и положено, придуманными – как-то не верилось, что такая дурь вообще возможна. Но, самое смешное, – обе были чистой правдой. В позапрошлом году

на Миллисенте один такой смертник-самоучка ушел в прыжок прямо с планетарной орбиты, а когда гравитация планеты почти сразу же и выдернула его в нормальный космос, был неприятно удивлен, увидев перед собой окрестности того же космопорта, с которого он пару минут назад стартовал, только очень-очень близко. Настолько близко, что ничего сделать времени уже не оставалось. Так и врезался. Удар был несильным, но воспламенилось топливо, которым перед взлетом корабль заправили под завязку. Да... Даже этого дурака жалко, корабль еще более жалко, а за что пострадал наполовину выгоревший космопорт? Наверное, за то, что разрешил взлет такому идиоту...

У истории о другом горе-пилоте конец оказался счастливым. Правда, она и на сказку была похожа больше. На Тексалере какой-то молодой парнишка решил покатать свою подружку на папином корабле, пока папочка, ясное дело, куда-то отлучился. Надо полагать, стартом и полетом по системе девица была очарована настолько, что ее кавалер решил закрепить успех тут же, прямо на корабле. А что, романтика – любовь в гиперпространстве... Паренек, судя по всему, торопился. Торопился так, что не соображал уже ничего. Объяснить как-то иначе тот медицинский (причем из всех медиков подведомственный исключительно психиатрам) факт, что в прыжок он ушел, вообще не введя никаких координат точки выхода, было бы невозможно. Совершенно случайно их выдернул из гиперпространства русский крейсер очень и

очень далеко от точки входа. Иссохших от голода любовничков потом долго возвращали к жизни доктора на Сибирячке. В страхе перед отцом горе-пилот даже попросил в России политического убежища, но его прошение осталось без рассмотрения, поскольку был он несовершеннолетним. Однако потом Корнев слышал, что эта парочка поженилась. Вот так иногда бывает...

Рассказывая Лозинцеву эти истории, Корнев давал пассажиру понять, что нам-то такое не грозит, мы ж люди нормальные, не то, что эти уроды... Лозинцев в ответ порадовал несколькими новыми анекдотами, которых Роман еще не слышал. Да, вот ведь как хорошо бывает, когда такой приятный пассажир попадается. Правда, хорошо.

Дальше разговор пошел уже легко и просто. Выяснилось, что торгует Лозинцев автономными мобильными энергостанциями. Станции эти на всех мирах были в почете, что в России, что везде, а уж тут, на Фронтире, в особенности. Корневу, кстати, частенько приходилось их перевозить. Так что нашлась и общая тема для разговора, сразу принявшего деловое направление. Энергостанции Лозинцев покупал как раз в Райхе, мелким оптом, а потом либо он сам, либо заказчики фрахтовали корабли для перевозки станций к месту назначения. Корнев попробовал прикинуть выгоду от таких перевозок – получилось очень даже неплохо, так что тут же и предложил Лозинцеву свои услуги. Лозинцев вроде даже обрадовался, но конкретно так ничего и не сказал, пообещав,

впрочем, вернуться к этому разговору позже, когда у него закончатся договоренности с несколькими нынешними перевозчиками, половина которых, кстати, была тоже русскими.

Тоже вот тема для разговора... Русские на Фронтире. У Корнева иногда складывалось впечатление, что соотечественников тут чуть ли не больше, чем местных. Особенно среди коммерсантов и перевозчиков.

– А вы, Роман Михайлович, давно по Фронтиру мотаетесь? – усмехнулся Лозинцев.

– Два года почти.

– А почему? Что вам мешает заниматься тем же самым дома?

– Что? – Корнев на пару секунд призадумался. – Да, наверное, то же, что и вам. Поставки напрямую от производителей, кооперативы, крупные компании-перевозчики...

– Вот вам и ответ, – Лозинцев стал похожим на школьного учителя, довольного успехами способного ученика. – У нас в России мелкому торговцу и перевозчику делать почти что и нечего. Можно, конечно, наняться со своим корабликом хоть к поставщикам, хоть к получателям, хоть к кооперативам, можно и самому в кооператив вступить, но если хочешь работать один и только на себя – даже не думай, не развернешься. А здесь для таких самое раздолье... – Дмитрий Николаевич широко улыбнулся. – Конечно, крупные перевозчики с Запада сюда потихоньку лезут, пытаются создавать представительства. Но мы пока что быстрее реагируем

на потребности местного рынка, так что выдавить нас они долго не смогут...

– Думаете, смогут потом? – прервал собеседника Корнев.

– Они в любом случае к этому стремятся и будут стремиться, – посерьезнел Лозинцев. – Деваться им некуда. Нам, впрочем, тоже.

– И что? – спросил Корнев.

– Да ничего. Мы же просто так не отдадим свой кусок, да и Фронтир на месте не стоит, – видно было, что обрисованные им же самим перспективы конкурентных войн Лозинцева сильно не пугают. – Да, с каких-то планет нас так или иначе вытеснят, но на каждой новой планете Фронтира мы все равно будем первыми.

– А немцы?

– А что немцы? – Лозинцев пожал плечами. – Все то же самое, что и с Западом. Тоже пытаются на Фронтире закрепиться, с той лишь разницей, что не везде им тут рады. Да и сами знаете, что за примерами далеко-то ходить. Ну и нам с ними, – Лозинцев довольно усмехнулся, – проблем меньше из-за этого. Так что не переживайте, Роман Михайлович, и на мой, и на ваш век тут дел хватит.

Корнев, конечно же, и не думал переживать. Обстановку на Фронтире и свои личные перспективы он, в общем, оценивал примерно так же. Правда, в отличие от Лозинцева, чувствуя все это больше интуитивно, а вот Дмитрий Николаевич сумел эти вещи просто и доступно изложить.

Нет, кто бы что ни говорил, русские на Фронтире чувствовали себя прекрасно. Корнев иной раз даже искренне жалел всех тех, кто не имеет счастья быть русским. Ну не обязательно русским, в России не одни только русские живут, хотя здесь, на Фронтире, если ты из России, значит всегда русский. Впрочем, почему-то почти все соотечественники, кого Роману доводилось встречать на Фронтире, были как раз русскими, а не кем-то еще. Редко попадался кто-то из армян или греков, еще реже сербы, ну вот, пожалуй, и все. Ни болгар, ни татар, да вообще никого больше из нерусских граждан империи Корнев на Фронтире за эти два года не видел.

Ну не видел – и ладно. Главное, что ему, Роману Корневу, тут хорошо. Не то чтобы, конечно, совсем уж хорошо, нет. Вот жить на Фронтире постоянно Роман никогда бы не согласился. Жить надо дома, в России. Зато Фронтир позволял зарабатывать на эту самую жизнь дома. И зарабатывать, чего уж прибедняться, совсем неплохо. Понятно, что и трудностей своих хватало – и мотаться постоянно с планеты на планету, и искать фрахт, и самому иной раз что-то покупать-продавать, и деньги поменять...

Хорошо хоть, с преступностью проблем нет. Пиратов на Фронтире общими усилиями России, Запада и Райха уже лет тридцать как повывели. Если какие совсем уж отчаянные смертники пытались из Черного или Желтого космоса залететь, то всегда было кому их встретить – военные корабли под флагами Райха и Демконфедерации ревниво следили

друг за другом и если где появлялся один, тут же рядом объявлялся и второй, а иной раз и третий – Россия свой флаг на Фронтире забыть не давала. А уж от двух, тем более трех корветов ни одному пирату уйти еще не удавалось. То есть от самих корветов уйти-то было и можно, даже в Черном и Желтом космосе непонятно откуда появлялись очень даже скоростные кораблики, но шансов удрать от управляемых ракет не было и у них. Потому что и русские, и германцы, и даже самые демократические западники, при всех своих противоречиях, сходились в одном: хороший пират – мертвый пират. Впрочем, байки о пиратах по Фронтиру все-таки ходили, вот только ни разу Корнев не слышал, чтобы в этих байках говорилось о каком-нибудь конкретном пострадавшем корабле. Так что относился к этим байкам Роман, да и не он один, сугубо скептически.

С другими попытками сделать русских жертвами преступности было еще проще. Сам Роман с этим вообще не сталкивался, но русские капитаны, кто мотался по Фронтиру уже давно, про такое рассказывали. Рассказывали они и о том, как эти попытки кончались. Россия очень быстро приучила местных любителей легкой наживы к тому, что любое сделанное русскому капитану предложение «купить безопасность» кончалось обращением этого капитана к русскому консулу, которые были почти на каждой планете Фронтира. Дальше варианты рассказов были разными – одни говорили о бравых русских десантниках, которые объясня-

ли местным «продавцам безопасности» всю ненужность их услуг для граждан Российской Империи, другие – о том, что почему-то вдруг местные шерифы начинали доступными им способами увещевать вымогателей взяться за ум (понять этих шерифов можно – поди потом доказывай, что порядок на планете наводишь именно ты, а не какие-то залетные русские), третьи вообще утверждали, что в разговорах русских консулов с местными уважаемыми людьми мелькали такие нехорошие слова как «блокада», «эмбарго», а иногда и совсем уж неприличное словечко «десант». Но все сводилось к тому, что уже давно никто даже не пытался предлагать русским на Фронтире какие-то особые условия безопасности. Кстати, то же самое говорили и о кораблях из Райха. Про всех местных капитанов Корнев сказать не мог, но слышал, что кое-кому из них как раз и приходилось платить каким-то непонятным «защитникам». С одним таким своим местным коллегой Корнев даже однажды чуть не подрался – тот очень уж агрессивно жаловался, что дикие русские не соблюдают общепринятых правил поведения, отчего совершенно безосновательно имеют неоправданные конкурентные преимущества перед местными перевозчиками. Подраться, правда, не вышло, этот сторонник цивилизованного сотрудничества с вымогателями просто не смог встать из-за стола – до того перегрузился выпивкой. Наверное, очень уж расстроили его злые русские...

– Ну, Роман Михайлович, – усмехнулся Лозинцев, откры-

вая упаковку с настоящим покровским пряником, большим, килограмма на два, – вы же знаете этих... западников. – Чувствовалось, что в уме Лозинцев произнес совсем другое слово. – Вы вот если на Фронтире или в Райхе что-то увидите, чего у нас нет, о чем думаете, а?

Разливая свежезаваренный крепкий чай, Корнев задумчиво выровнял чайник в руке, чтобы ненароком не пролить.

– О чем? Не знаю даже... Сравниваю, наверное, с тем, что у нас.

– Вот именно! – Лозинцев походил на учителя все больше и больше. Роман вспомнил историка из гимназии, Валерия Филипповича. Тот тоже все время задавал такие вопросы, чтобы ученик как следует подумал и ответил правильно. – Вы сравниваете! И если видите, что что-то здесь лучше, чем у нас... – тут Лозинцев осекся. Видимо, понял, что сказал что-то не то. – Ну не тут, конечно, а в том же Райхе... – да уж, чтобы на Фронтире где-то что-то было лучше, чем в России (ну кроме деловых возможностей разве что). – Вы думаете: а хорошо бы, так и в России было, так ведь?

– Так, – не стал спорить Корнев.

– Это для вас так. И для меня так. И для любого нормального русского человека так. А для западника не так. Для него, если у русских что-то лучше, значит, русские – жулики, каким-то заведомо нечестным путем получившие это преимущество. Потому что всем известно, что русские все и всегда делают неправильно.

Да уж, умел Лозинцев заставить собеседника задуматься, умел... Самое смешное – и здесь он прав. Сколько ни вспоминал Корнев свои разговоры с местными, это у них всегда сквозило, как только доходило дело до сравнений. Ну, или почти всегда. Хотя не так уж много этих разговоров и было, тут через одну планету ни с кем и поговорить нормально нельзя, если не о деле... Немцы, те еще на людей похожи, на отвлеченные темы с ними побеседовать интересно бывает. Особенно за пивом. А остальные... Ну и ладно, пошли бы они все, мать их с низкого старта!..

Три니다д встретил хмурым и пасмурным, совершенно неприятливым небом. Садиться пришлось вслепую по наведению диспетчера. Гигантские мохнатые черно-синие тучи висели над космопортом так низко, что хотелось идти под ними, пригнувшись, и не идти даже, а перебегать, чтобы они не придавили ненароком. Правда, до портовой конторы удалось добежать раньше, чем эти тучи ударили по космопорту и окрестностям миллиардами тяжелых капель, почти сразу же сомкнувшись в цельную, на вид совершенно непроницаемую стену.

Оказалось, кстати, что не только для маскировки истинного пункта назначения понадобился Три니다д Лозинцеву. Какие-то дела у него здесь все-таки были. Дмитрий Николаевич сразу же заказал такси, предварительно договорившись с Корневым о времени своего возвращения, и Роману пришлось в одиночку выполнять все предусмотренные фор-

мальности, благо, на Тринидаде таковым особого значения не придавали. Поэтому все было сделано быстро, и до возвращения своего пассажира Корнев успел пообедать. Тоже пришлось вызывать такси, чтобы не выходить под ливень, хотя ехать до известного Роману заведения было всего минут пять. Хозяин ресторанчика, колоритный пожилой толстяк с огромными усищами, нашел простейший, зато до крайности эффективный способ завоевать популярность среди пилотов и коммерсантов, прибывавших на Тринидад. Способ этот заключался в том, что всем, кто не был родом с Тринидада, клали специй вдвое, а то и втрое меньше, чем местным. Слава «доброего Лучо», как скромно именовал себя предприимчивый ресторатор, прямо-таки гремела среди непривычных к местным специям гостей планеты, так что экономия на жгучих ингредиентах была явно не самым главным источником его доходов.

Дальше все пошло просто прекрасно, как будто по заказу. К тому времени, как Роман закончил обедать, кончился и ливень, поэтому Корнев решил прогуляться до космопорта пешком. И стоило ему только подойти к портовой конторе, как буквально через пару минут появился и Лозинцев. Диспетчер и стартовые службы тоже были свободны, так что уже очень скоро «Чеглок» снова оказался в космосе.

...Навигация в Райхе сильно отличалась от того, к чему Корнев привык на Фронтире. Даже вводить координаты выхода из гиперпространства не пришлось – достаточно было

просто обозначить в качестве таковых навигационную станцию «Райнланд-8». Все было рассчитано заранее и внесено в память компьютера «Чеглока». За пятнадцать минут до прекращения работы гиперпривода и выхода в реальный космос корабельный компьютер услужливо предупредил Корнева о необходимости соответствующих приготовлений. Компьютер, естественно, не обманул – ровно через девятьсот секунд после сигнала Корнев с Лозинцевым увидели на обзорном экране не поднадоевшее мельтешение молочно-белых искр на темно-сером фоне, а строгие очертания навигационной станции «Райнланд-8», висящей на границе планетной системы. Корневу этого времени тоже хватило, так что к моменту выхода из гиперпространства корабль был приведен в режим ручного управления при полной готовности программы автопилотирования. Получив со станции координаты входа в свой коридор, Корнев в ручном режиме вышел к указанной точке, где и переключил управление на автопилот, уже получивший со станции соответствующую программу.

Все, в общем, логично и разумно. Простая и действенная схема обеспечения безопасности на довольно оживленном пути. Сама схема никакого удивления не вызывала – она была стандартной и в России, и в Райхе, и на Западе. Вот только почему-то в исполнении немцев (ну да, немцев; если в России все русские, то в Райхе – все немцы) все это выглядело как-то особенно четко, организованно и эффективно. Иной

раз казалось даже, что такого больше нет нигде и во всех планетарных системах за пределами Райха навигация отдана на откуп случайности, анархии и хаосу.

Впрочем, порядок и организованность вовсе не означали того, что работает автоматика, а господин капитан-пилот может заняться какими-то другими своими делами и не участвовать в процессе. Корневу приходилось постоянно быть на связи сначала с диспетчером станции, а потом и с диспетчером космопорта – подтверждая, что все идет штатно, что автопилот действует в полном соответствии с полученными указаниями, что сам Роман готов в любой момент взять управление кораблем на себя, если вдруг что пойдет не так. В том же духе «Чеглок» совершил и посадку в двенадцатом секторе космопорта «Зигмунд-Йен-Раумфлюгхафен»: хотя антиграв подцепил корабль еще до входа в атмосферу, Корнев до самого конца напряженно следил за действиями автопилота.

Таможенник ждать себя не заставил и времени много не отнял. Господин старший таможенный инспектор аккуратно и быстро оформил все необходимые документы, чем и утвердил законность пребывания граждан Российской Империи господ Романа Корнева и Дмитрия Лозинцева на территории Германского Райха.

Собрался Лозинцев быстро. Оно и не удивительно – ему и пришлось-то только переодеться с поправкой на местную погоду, в меру прохладную, зато сухую и солнечную. И уже

на выходе задержался, постоял пару секунд и вдруг обернулся.

– А ведь сегодня Прощеное Воскресенье. Вы уж меня простите, Роман Михайлович, если чем обидел...

– Бог простит, – ответил Корнев. – И вы, Дмитрий Николаевич, меня простите...

– Бог простит, – как-то не сильно уверенно и очень тихо сказал Лозинцев, подавая Корневу руку.

Проводив своего пассажира, Корнев еще какое-то время пребывал в задумчивости. Вот ведь человек, Прощеное Воскресенье вспомнил... Не то чтобы Роман был сильно религиозен, но вот попросил у него Лозинцев прощения, сам у Лозинцева прощения попросил – и, честное слово, на душе полегчало... Полегчало? Почему полегчало? Разве была какая-то тяжесть? Мысли Корнева резко развернулись. А ведь и правда, что-то не так было, не так и не то... Или не было? Но откуда тогда это ощущение? Как будто что-то неправильное сказано или сделано?

Корнев попытался вспомнить, что же могло быть причиной таких сомнений, но совершенно безуспешно. Ну да и ладно... Имелись куда более важные в данное время дела, они-то и вытеснили из головы Корнева эти тягостные раздумья.

Для начала надо было убраться в каюте, которую занимал Лозинцев. Впрочем, много времени это не заняло – Дмитрий Николаевич, даже покинув корабль, вновь показал себя че-

ловеком предельно аккуратным. Хотя и на корабле он пробыл не так уж и долго – если не считать посадку на Тринидаде, около полутора суток полетного времени. Так что мусора осталось по минимуму, постель Лозинцев убрал сам, где ж тут убираться-то? А если учесть, что груза никакого в этом рейсе не было и, соответственно, грузовые трюмы тоже в приборке не нуждались, то наведение порядка никак не тянуло на гордое звание работы. Так что прибираться Корневу пришлось только в рубке, где они с Лозинцевым почти весь полет и просидели. Да и там ничего страшного не было. Посудомоечная машинка удовлетворилась двумя чашками, двумя же блюдами, одним блюдом покрупнее да заварочным чайником, а весь мусор уместился в маленьком пакетице. Понятно, что вызывать мусорщиков Корнев не стал, пакетик этот и самому можно выкинуть.

До грузовой конторы можно было бы доехать на маршрутном вагончике, но Роман не поленился пройти пешком, исключительно чтобы размять ноги. Деловая жизнь в конторе била ключом, так что было даже, из чего выбирать. Из конторы Корнев вышел, обеспеченный грузами и пассажирами недели на полторы полетного и погрузочно-разгрузочного времени, а если учесть все необходимые процедуры и потребность в отдыхе между рейсами, то на две с хвостиком недели вперед. Еще более грел душу капитана-пилота аванс фрахта в райхсмарках, часть которого, правда, тут же ушла на оплату заправки. Топливо в Райхе хоть и стоило не

так чтобы дешево, зато начисто избавляло покупателей от сомнений в своем качестве. Время, остававшееся до начала погрузки, Корнев решил потратить на небольшую прогулку по ближайшей окраине Ариенбурга – столицы Райха. Если точнее – на поход в известный Роману магазинчик за блоками с записями интересных фильмов, концертов и книг, естественно, с возможностью перевода на русский. А как иначе – хоть и управлял кораблем господин капитан-пилот в одиночку, но свободного времени в полетах хватало, особенно в гиперпространстве. Не только же на сон его переводить? Конечно, можно было заказать все это по местной сети с доставкой на «Чеглок», но куда-то девать время все равно надо. Да и поесть не мешало бы, обед у «добрého Лучо» требовал продолжения в виде ужина, а по местному времени – в виде плотного завтрака.

Вот тоже та еще проблема для маленьких экипажей, а тем более для капитанов-пилотов... Время. Точнее, несовпадение биологических часов организма и официального времени на планетах. Нет, конечно, можно в нужное время выпить нужную таблетку – и все в порядке. Хочешь – спи, хочешь – бодрствуй, не вставляя в глаза спички. Вот только все врачи старательно уверяли, что таблетки эти безвредны... ну, при правильном употреблении, конечно. А правило употребления всего одно – чем реже, тем лучше. Хотя Корнев настроил себя на то, что именно сегодня такой таблеточкой придется воспользоваться, потому как если оставить все на от-

счет времени по внутреннему ритму организма, то погрузка и старт с космодрома придутся как раз на самый разгар сна.

...Выйдя из магазина, где он даже получил небольшую скидку (немолодой даме, не поймешь – то ли хозяйке, то ли просто начальнице над тремя юными продавщицами – очень понравилось, что русский капитан-пилот интересуется историей, музыкой, хорошими приключенческими фильмами и полностью игнорирует отдел, где в непрозрачных серых пакетах продаются фильмы «для взрослых»), Корнев вынужден был остановиться и на пару минут отложить попытку перейти дорогу. Причиной задержки стали две сотни молодых парней, с песней маршировавших прямо по проезжей части. В униформе многочисленных военизированных, полувоенных и вроде бы даже и совсем невоенных формирований Райха Корнев разбирался очень слабо. Он даже подозревал, что в этой форме вообще вряд ли кто-нибудь разбирался полностью, учитывая обилие и многообразие всех таких формирований и их обмундирования. Однако же видно было, что слитно топали ботинками и дружно горланили задорную песню про дочку лесника вовсе не солдаты – молодые слишком для армии. Скорее всего, дорогу Корневу перекрыли ребята из каких-то молодежных трудовых формирований, хрен его помнит, как это у немцев называется. Причем, судя по явно не ариенбургскому загару и обношенному обмундированию, уже бывалые, как бы даже не возвращающиеся со службы.

Шли красиво. Правда, красиво. Нет, с военными, конечно, не сравнить. С немецкими военными, разумеется – на фоне этих ребят убого смотрелась бы воинская часть любой армии, кроме, понятное дело, русской. Зато видно было, что сами парни испытывают неподдельное удовольствие от того, что идут в строю с песней. Форма и строй, общее дело и одна на всех песня – что еще надо нормальному парню, чтобы чувствовать себя частью грозной и несокрушимой силы, чтобы совершенно точно знать: пусть хоть весь космос развалится на куски, но тебе на помощь всегда придут такие же крепкие и уверенные в себе парни, как ты сам!

Корнев этих ребят отлично понимал. А еще он теперь, наконец, понимал, что именно не так сделал Лозинцев. Точнее, не так сказал. Еще точнее – вообще не сказал. И если уж быть совсем-совсем точным – не задал один вопрос, который именно он, Лозинцев, должен был задать первым, потому что со стороны Романа задать этот вопрос человеку явно старшему по возрасту было бы неприличным. Да, теперь-то Корнев понимал, что за червячок шевелился в его мыслях после прощания с Лозинцевым.

А вот чего Корнев совершенно не понимал, так это почему не был задан вопрос, всегда встающий там, где встречаются и знакомятся русские. Почему Дмитрий Николаевич так и не спросил: «Кстати, Роман Михайлович, а где вы служили?»...

Глава 3

Полк собирался. Собирался, как это принято в армии – являя невозможный и все же реально существующий коктейль из спокойной деловитости и лихорадочного разгильдяйства. В одном месте все необходимое и в достаточных количествах аккуратно складывалось для удобства погрузки, в другом, от души матерясь, азартно тащили круглое и катили квадратное, искренне удивляясь, почему оно, мать его внахлест и вперехлест, не тащится и не катится.

Корнет Корнев (ага, вот такой каламбур, даже кличка в полку – «Корн-Корн») наблюдал за происходящим с некоторой снисходительностью. Ну да, вся эта суета – удел технарей, летчики пока отдыхают. Впрочем, к этой снисходительности была примешана изряднейшая доза любопытства – все-таки на памяти корнета это был всего второй случай, когда поднимали разом даже не весь родной полк, а целиком дивизию, да еще и первый случай, когда полк (и дивизию) поднимали на авианосцах.

Полк – это сила. Корнев гордился, что ему, как одному из лучших выпускников училища, повезло попасть в Восьмой его императорского высочества великого князя Андрея Константиновича истребительный полк Российского Императорского летного флота. А уж одиннадцатая истребительная авиадивизия, в которую полк входил... Дивизия бази-

ровалась на Антонине и имела усиленный по сравнению с обычными истребительными дивизиями состав – четыре истребительных полка вместо штатных трех и один штурмовой. Кое-кто говорил, что такое отличие вызвано исключительно личностью командира дивизии – дескать, не каждой авиадивизией командует младший сын государя императора, и не в каждой авиадивизии есть полк, в котором великий князь состоит шефом, вот и прибавили Андрею Константиновичу лишний полк. Бред, конечно, но многим и такого объяснения хватало, хотя великий князь ко времени появления в полку новоиспеченного корнета Корнева уже не командовал дивизией, а служил начальником штаба Третьей летной армии. Те, кто поумнее, понимали, что дивизия выдвинута на самый передний край Империи, один из важнейших форпостов на стыке России, Исламского космоса и Желтого космоса, и потому усиленный состав ей не помешает...

Подошел командир звена поручик Хватков, ведомым у которого корнет Корнев начинал службу в полку.

– Что, Рома, интересно?

– Ну да, – ответил Корнев. – Сборы уж точно интереснее, чем на Салафию. Посмотрим, будет ли интереснее на месте.

– Интереснее? – усмехнулся Хватков. – Боюсь, мы даже не представляем себе, насколько!

Салафийская операция как раз и была единственным вылетом дивизии в полном составе, в котором пока что участвовал Корнев. До этого ему только один раз приходилось ле-

тать в составе всего полка, а так большинство вылетов проходили эскадрильей или звеном. Да и боевыми назвать эти вылеты можно было с большой натяжкой – так, разведка и патрулирование. Правда, и свою первую победу Корнев одержал как раз в таком вот патрульном вылете. Пара каких-то неопознанных аппаратов, интерес к которым проявило звено «филиппков»¹, попыталась этого интереса избежать и быстро удрать. Решение оказалось ошибочным – скорость, которую смогли развить беглецы, не оставляла им никаких шансов. На приказы остановиться и зависнуть они не реагировали, на предупредительные выстрелы по курсу тоже, так что последовала команда валить. Вот и завалили – поручик Хватков одного, корнет Корнев второго. Но «завалили» это сказано так, как дань традициям. На самом деле разнесли на куски, хлипенькая оказалась у них конструкция.

А потом была Салафия. С чего все там началось, Корневу знать не полагалось, не корнетский это уровень, хотя история произошла очень даже занятная.

То ли султан, то ли эмир, черт его разберет, как там у них это называется, в общем, правитель Салафии, пожелал править не одной, а сразу двумя планетами Исламского космоса. Планета, которой салафийский правитель захотел пополнить свои владения, располагалась в той же самой системе, так что привлечь для перевозки войск салафийцы могли не только оба имевшихся у них корабля с гиперприводами, но

---

¹ «Филиппок» – прозвище истребителей ИФ-39 (истребитель Филиппова).

и вообще все, что способно летать за пределами атмосферы. Но тут завоевательные планы этого не то султана, не то эмира пересеклись с делами семейными.

Полузабытый отцом сын салафийского правителя от одной из многочисленных наложниц очень хотел оказаться наследником трона. Но такая перспектива молодому человеку никак не светила – у его отца хватало сыновей и от четырех законных жен. И вот однажды честолюбивого отпрыска посетила интересная мысль. Ведь если завоевательный поход любимого папаши окончится провалом, то многие уважаемые люди и даже многие простолюдины спросят: а нужен ли Салафии такой бездарный и неудачливый правитель? И чему могли научиться у столь непутевого отца сыновья его жен, которые, в отличие от сыновей наложниц, постоянно находились при дворе? Так что целая цепочка преград между почти что незаконнорожденным сыночком и вожде ленным тронм могла быть устранена одним махом. Следующей мыслью прыткого молодого человека было понимание того непреложного факта, что претензии на папашин трон надо бы подкрепить благосклонным отношением к этому со стороны уважаемых людей и хотя бы безразличным отношением со стороны дворцовой охраны. Для этого требовались деньги, а вот с ними у юноши были проблемы. То есть проблемы-то были, а вот денег... Но пытливый, пусть и совсем молодой еще, ум нашел ключ к решению всех названных затруднений, и вскоре сын наложницы стал настолько богатым,

что мог себе позволить вербовать сторонников. А план десантной операции стал известен русским.

На проверку подлинности и анализ плана времени ушло не так много. Еще меньше времени ушло на то, чтобы признать появление вблизи русских планет государства, хоть и карликового, но уже попробовавшего пьянящий вкус победы, интересам Империи никак не соответствующим. Тем более что правителем планеты, над которой нависла угроза завоевания салафийцами, был персонаж вполне вменяемый, хорошо понимавший, что, живя рядом с Российской Империей, нужно быть тихим, спокойным, миролюбивым и по возможности незаметным.

До летчиков все это довели уже в виде боевого приказа, а идейная составляющая выглядела примерно так: «летим замирать буйных дикарей, чтобы не устраивали свои танцы с саблями возле наших огородов». Для людей военных достаточно.

В назначенный день на орбите Салафии собрался флот вторжения в полном составе – около пяти сотен транспортов с десантом, под сотню машин, которые с известной натяжкой можно было назвать истребителями и штурмовиками, и еще полторы сотни летательных аппаратов, на звание истребителей и штурмовиков только претендовавших, да и то безосновательно. Пока вся эта армада принимала отдаленное подобие походного ордера, почти вплотную к ней из гиперпространства вырвалась 11-я истребительная авиадиви-

зия во всей своей красе и мощи – двести сорок истребителей и шестьдесят штурмовиков.

Русские врезались в стадо салафийских кораблей клином. На его острие шел штурмовой полк, за ним эшелонированные в высоту и по горизонту четыре полка истребителей. Назвать боем то, что тут началось, было бы непомерной честью для салафийцев. Была резня, бойня, расстрел – все, что угодно, только не бой. Сначала «шкафы»² дали ракетный залп. Сотни взрывов разодрали орду транспортов в клочья. В скопище не успевших ни прогреть маршевые двигатели, ни активировать защитные поля кораблей ни одна ракета не прошла мимо цели. И пусть по две-три ракеты попадали в какой-нибудь задрипанный каботажник, которому за глаза хватило бы и одной, – при взрыве каждой такой старой галоши ее куски доставались соседям, только усиливая эффект ракетного залпа.

Второй ракетный залп дали истребители – этот достался не столько остаткам транспортов, сколько их прикрытию. Пронесясь сквозь остатки салафийской армады, «шкафы» и «филиппки» щедро поливали пушечным огнем все, что оказывалось у них на пути.

Затем, развернувшись и рассыпавшись по эскадрильям и звеньям, а потом и по парам, русские начали охоту на тех, кто уцелел после ракетных залпов. Во взрывах одиночных ракет и алых трассах очередей автоматических лазерных пушек

---

² «Шкаф» – прозвище штурмовиков ШК-28 (штурмовик Кулагина).

разлетались на куски салафийские истребители, штурмовики, катапультировавшиеся пилоты, вывалившиеся из разорванных транспортов наземные боевые машины. Кто-то пытался удрать обратно на планету – этих догоняли и сбивали уже в атмосфере. Впрочем, каким-то счастливицам и удалось уйти, но уж очень их оказалось мало. Когда из гиперпространства вышли русские боевые спасательные боты и начали подбирать своих сбитых пилотов, попутно беря на буксир поврежденные машины, на месте флота вторжения медленно плыла по орбите бесформенная масса осколков, обломков и ошметков.

Войны без потерь не бывает. Даже такое быстрое и полное истребление противника обошлось русским в семнадцать машин и девять пилотов. Пять машин и двоих человек потерял Восьмой истребительный полк. Для Корнева, впрочем, эта операция прошла более чем успешно, он записал на свой счет сразу шесть побед в добавление к своей первой.

Все же на разборе действий родной эскадрильи корнету поначалу пришлось несладко. Командир эскадрильи ротмистр Мелентьев долго и обстоятельно выговаривал Корневу все его ошибки, Корнев столь же обстоятельно возражал. Вырвался вперед своего ведущего, чтобы записать очередную победу? Никак нет, господин ротмистр, действовал по приказу поручика Хваткова. Хватков подтвердил – хотел, мол, дать корнету набраться опыта, благо условия позволяли. Бил по неприятельской машине вместо того, чтобы при-

крывать ведущего? Никак нет, я точно видел, что ведущему угрозы нет, это и на записи видно, и бил, не покидая своего места – противник сам подставился, грех было не воспользоваться. Покинул ведущего для самостоятельной атаки? Так точно, но никто на ведущего не нападал, а семнадцатому этот салафиец в хвост пристраивался. Почему ведущего не оповестил? Так ведь времени не было, господин ротмистр! На разбор более мелких огрехов, отмеченных командиром эскадрильи, Корнев отвечать не стал – во-первых, на то они и мелкие, а, во-вторых, должно же начальство хотя бы в чем-то остаться правым.

Итог оказался для Корнева неожиданным – на следующее утро ротмистр Мелентьев объявил, что берет корнета ведомым к себе, а поручик Хватков получит ведомого из новичков. Как расценивать такой поворот в своей карьере, Корнев не знал, но Хватков его утешил и обнадежил:

– Смотри, Рома, это вроде экзамена. Если комэск будет тобой доволен, вернешься в звено уже ведущим, как только новички появятся. Если нет – он тебя все равно вышколит и отправит обратно ведомым к кому-нибудь. Может, и опять ко мне.

Что ж, экзамен, говорите, господин ротмистр? Значит, будем сдавать. Есть за что, как говорится. Корнеты ведущими не летают, так что если он пойдет в ведущие, то получит поручика. Ради такого и постараться не грех.

Корнев старался. Добросовестно держался своего ведуще-

го, не отвлекался ни на что другое, контролировал обстановку и прикрывал командира. С одной стороны, все это было довольно легко и просто – после Салафии полк вновь вернулся к разведке и патрулированию, летали эскадрильями и звеньями, даже никаких боев не было. С другой стороны, четкое и правильное следование всем этим требованиям Корнев воспринимал как тягостную и беспросветную рутину.

Зато в учебных вылетах и особенно на тренажерах и в учебных боях корнет отводил душу. Нет, он столь же старательно и неукоснительно исполнял положенные обязанности, но в этих полетах, а тем более на тренажерах можно было хоть пострелять, оставаясь тем же старательным и аккуратным ведомым.

Поэтому слухи о том, что дивизия будет участвовать в новой крупной операции, прозвучали для корнета Корнева колоколами надежды. А уж когда эти слухи подтвердились...

В этот раз все было куда серьезней. Господам офицерам объявили, что на планете Желтого космоса Фазан (вообще-то она называлась как-то по-другому, но нормальный русский человек никогда не станет ломать язык, пытаясь такое выговорить), всего в сутках перелета в гиперпространстве от ближайшей русской планеты, к власти пришла группировка, объявившая всех белых людей демонами, подлежащими уничтожению. Причем попыток расправиться с «белыми демонами» следовало ожидать в любое ближайшее время. Как и того, что эти самые «демоны» окажутся, скорее

всего, русскими – потому что именно русские планеты были ближе к Фазану, чем любые другие миры Белого космоса.

Накопать сведений о фазанских вооруженных силах (очень, кстати, мощных, по меркам независимых миров Желтого космоса) разведка смогла немало, программы для тренажеров на основе добытых разведданных составили быстро, так что пока в штабах планировали операцию, у летчиков было время разобраться с техническими характеристиками машин будущего противника и тактикой их действий.

По оценкам Главного разведуправления Генштаба содержать такие вооруженные силы экономика Фазана смогла бы еще года два-три, а потом бы их пришлось либо срочно применять, либо столь же срочно сокращать, но дожидаться появления в Русском космосе раскосых «демоноборцев» никто, разумеется, не собирался.

Для нанесения превентивного удара была сформирована внушительная группировка. Основу составили корабли Пятого флота, летный флот был представлен одиннадцатой истребительной дивизией, от сухопутных войск участвовала десантно-штурмовая дивизия, усиленная тяжелым танковым полком. Корнета Корнева, как и других летчиков, участие флота очень даже радовало – лучше провести сутки в кубрике, чем полсуток сидеть на пятой точке и рассматривать унылые серо-белые разводы гиперпространства.

...Наконец все сборы были закончены, и, когда на орби-

те Антонины повисли махины тяжелых резервных авианосцев «Нестеров» и «Кожедуб», машины одиннадцатой авиадивизии стали занимать просторные корабельные ангары. Каждый из авианосцев принял два истребительных полка, а штурмовой полк, спасательные и штабные боты разделили пополам между обоими кораблями.

– Ох, и ни хрена ж себе! – не удержался Корнев, со смешанным чувством восхищения и легкого испуга наблюдая, как гигантский корабль заполняет почти все поле зрения. На разные лады этот возглас подхватили и другие пилоты.

– Разговорчики! – вмешался ротмистр Мелентьев. – Наша посадочная палуба третья, за мной!

Воротный створ третьей посадочной палубы призывно мигал зелеными огнями. Управление посадкой приняли операторы авианосца, комэск и держащийся рядом Корнев наблюдали, как звено за звеном машины эскадрильи скрываются внутри. Затем пошли на посадку и Мелентьев со своим ведомым. Когда «филиппок» подхватил посадочный луч антиграва, Корнев заглушил двигатели и дождался, пока его машину поставят на нужное место. Ну вот, прибыли. Вылезаем из кабин и отдыхаем.

Ага, отдыхаем. Мечтать не вредно. Естественно, никакого свободного времени у пилотов на авианосцах не оказалось. Последние приказы, инструкции, проверки всех систем своих машин, проверки начальством результатов проверок – спасибо отцам-командирам, что хоть поспать дали.

Когда «Нестеров» и «Кожедуб» вышли в реальное пространство на самом краю системы Фазана, вместе с десантными кораблями держась в тени последней в системе планеты, сражение уже началось. Ожидать, когда командование бросит их в бой, Корневу, как и всем другим пилотам, пришлось, уже сидя в кабинах своих машин. Зато была возможность следить за ходом сражения – схематическое изображение подавалось на обзорные мониторы истребителей и штурмовиков.

Застать фазанцев со спущенными штанами, как это было с салафийцами, не вышло. Появление русской эскадры на краю своей системы фазанцы не проспали. Впрочем, после первого же залпа русских линкоров фазанский флот, потеряв несколько кораблей, быстро отошел на орбиту родной планеты, пытаясь завлечь русские корабли под огонь планетарных батарей, заменявших фазанцам отсутствующие орбитальные крепости. Получалось не очень успешно, потому что русские линкоры вели действенный огонь и на дальних дистанциях, а в случае отхода на безопасное расстояние фазанцы лишали себя возможности наносить сколько-нибудь серьезные повреждения русским кораблям – дальнобойности не хватало. Сказывалось полное отсутствие линкоров в фазанском флоте. Построить хороший линкор – удовольствие крайне дорогое, а большой флот фазанцам иметь ну очень хотелось. Вот и строили они крейсера вместо линкоров, из расчета одинаковых затрат на постройку одного линкора и трех-четырех

крейсеров.

Пользуясь отсутствием равноценного противника, русские линкоры постоянно держались между фазанским флотом и своими легкими кораблями, ведя огонь по врагу и защищая собой эсминцы, фрегаты и линейные авианосцы. А русские крейсера периодически выходили за линию линкоров, добавляли фазанцам залп-другой и стремились снова укрыться за «большими братьями» раньше, чем неприятельские артиллеристы успеют прицельно ответить.

Эти танцы со стрельбой продолжались до того момента, когда фазанским адмиралам стала ясна их полная бесперспективность. Русских расклад пока что устраивал – два фазанских крейсера и шесть эсминцев уже дрейфовали бесформенными грудями искореженного металла, еще три крейсера и два эсминца вывалились из боя и отстреливали спасательные капсулы, хватало и таких кораблей, которые отвечали на русские залпы лишь изредка и далеко не из всех стволов. А вот для фазанцев продолжение танцевального марафона было чревато пусть и не быстрым, но неминуемым разгромом. И тогда в атаку на русские корабли были брошены фазанские истребители и штурмовики. Причем, похоже, все, которыми располагал Фазан – чуть больше тысячи машин.

Летающая орда охватила строй русской эскадры с тыла, чтобы загнать «белых демонов» под огонь тяжелых планетарных орудий, представлявших серьезную угрозу даже для

линкоров. Вот только вместо того, чтобы выходить из-под атаки истребителей и штурмовиков, готовых вот-вот выпустить сотни ракет, русские корабли образовали почти сомкнутый строй. Свою ошибку фазанские пилоты поняли, когда первый ракетный залп сторел в защитных полях, взаимно наложенных друг на друга из-за близкого расположения кораблей. Через эту многослойную защиту не прошла ни одна ракета, а пока фазанцы перестраивались, чтобы могли отстреляться второй и третий эшелоны атакующих, заработали корабельные зенитки.

На каждом русском фрегате стояли восемнадцать шестиствольных скорострельных лазерных пушек. Эсминец, в зависимости от типа, имел от двадцати одной до двадцати четырех шестистволок. На крейсерах и линейных авианосцах количество таких орудий приближалось к сотне, а на линкорах – и того больше. Маневрировать фазанским пилотам пришлось, продираясь практически через сплошную стену огня.

Попытки перестроить атакующую формацию стоили фазанцам больше четверти машин – и это без какого-либо ущерба для русских. А когда фазанским пилотам удалось наконец выскочить из огненной ловушки, с русских линейных авианосцев стартовали истребители. То, что истребителей этих было почти втрое меньше, чем оставалось машин у фазанцев, никаких преимуществ противнику не давало. Все же разница в боевых качествах машин и уровне подготовки

пилотов была немалая, и никак не в пользу борцов с «белокожими демонами». Одно дело – не имеющие боевого опыта пилоты на машинах, разработанных по явно устаревшим образцам и сделанных по вчерашним технологиям, и совсем другое – закаленные охотники за пиратами, участники операций по искоренению источников потенциальной опасности для русских миров, управляющие едва ли не лучшими в галактике боевыми машинами.

Пусть и не сразу, но русские навязали фазанцам бой с таким расчетом, что карусель «собачьей схватки» закрутилась между планетой и русскими кораблями. Круговерть гонящихся друг за другом машин, пилоты которых из всех сил старались поймать врага в прицел и не попасть в прицел самим, заслонила русские корабли от планетарных батарей. Воспользовавшись этим, русская эскадра рванулась вперед.

Теперь и фазанскому флоту пришлось на собственной шкуре испытать, что бывает, когда более сильный противник берется за тебя всерьез. На ближних дистанциях залпы русских линкоров превращали фазанские корабли в плазменные облака, быстро гаснущие в вечном холоде космоса. Огонь русских крейсеров был, может, и не таким эффективным, но ничуть не менее эффективным – какая, в сущности, разница, становится корабль облаком плазмы или грудой обломков, если оказывать сопротивление все равно перестает? Эсминцы и фрегаты, благоразумно держась на втором плане, не только охраняли авианосцы, но и выполня-

ли множество других боевых задач, внося свой вклад в сражение. Они регулярно выстреливали масс-бомбами, взрывы которых искажали гравитацию настолько, что о прыжке в гиперпространство не могло быть и речи, а значит, фазанский флот не имел даже теоретической возможности спастись бегством. Они расстреливали из скорострельных шестистволок спасательные капсулы, выпускаемые погибающими кораблями противника. А что вы хотели? Вы, значит, будете провозглашать нас демонами, не имеющими права на жизнь, а мы должны признавать это право за вами? Нет уж, какую мерю мерите, такой и вам отмерится! Опять же, пусть экипажи фазанского флота особой выучкой не отличались, зачем оставлять противнику хоть как-то подготовленных матросов и офицеров? Впрочем, одним только сокращением поголовья неприятельских флотских кадров боевая работа эсминцев и фрегатов не ограничивалась – время от времени какие-то мелкие боевые катера то проскакивали через строй русских линкоров и крейсеров, то пытались этот строй обогнуть. Вряд ли их командиры стремились атаковать крупные русские корабли с тыла, скорее, они порывались добраться до авианосцев или даже до десантных кораблей, но ни на то, ни на другое, ни на третье шансов у них не было. Системы наведения лазерных скорострелок на русских кораблях, как показала практика недавнего авианалета, успешно справлялись и с более скоростными истребителями и штурмовиками. Так что на каждом мелком фазанском кораблике пере-

секались трассы сразу нескольких многостволок – и все...

Пока фазанский флот неумолимо исчезал под огнем русских орудий, битва истребителей и штурмовиков смещалась в атмосферу Фазана. Постепенно фазанские пилоты начали понимать, что все идет как-то не так. Это, конечно, еще была не полная деморализация, но инстинктивно фазанцы уже стремились оказаться поближе к поверхности планеты, где проклятые «белые демоны» не смогут лихо маневрировать на огромных скоростях и выбирать цели по собственному усмотрению, при этом не задерживаясь в прицелах фазанских истребителей больше чем на малейшие доли секунды. Конечно, и фазанцам удавалось сбивать русских, но все же гораздо чаще взрывались или круто уходили вниз, оставляя за собой шлейфы дыма и мелких обломков, именно фазанские машины. И все же несмотря ни на что, фазанцы продолжали драться. Трудно сказать, на что фазанские пилоты надеялись и надеялись ли на что-нибудь вообще, но если какие надежды у них и были, то жить им – и надеждам, и пилотам – оставалось недолго. Потому что «Нестеров» и «Кожедуб» совершили серию точно рассчитанных микропрыжков в системе и, укрывшись уже не за последней планетой, а за луной самого Фазана, начали выплескивать своими гравитационными катапультами волну за волной машин одиннадцатой авиадивизии – пока, правда, только двух истребительных полков.

Глава 4

Специальный агент ОРС – Объединенной разведывательной службы Демократической Конфедерации – Бенджамин Голдберг был недоволен, а если сказать честно, то просто зол. Ему, специальному агенту, приходится фактически возглавлять команду техников. Можно подумать, у них нет своего старшего. Да еще и лететь с этой командой на Валентайн, а это совсем уже край Фронттира. Там Голдберга должен был встретить агент Фарадей. Голдберг его как-то видел – огромный негр, настоящая горилла. Причем самое для Голдберга неприятное состояло в том, что начальство поставило его в очень двусмысленное положение с этим Фарадеем. Вроде как он, Голдберг, должен был еще и затребовать у Фарадея отчет о проведенной тем одной, скажем так, не вполне легальной операции, успеху которой в ОРС придавалось большое значение. Но при этом отчитываться Фарадей должен был именно перед руководством ОРС, а Голдбергу оставалось только принять отчет и передать наверх. То есть эта горилла лихо провернула тут рискованное дело, а Голдбергу придется изображать курьера. Соответственно, Фарадей и получит все бонусы, а зачем сюда пришлось лететь Голдбергу, никому, кроме начальства, останется непонятным. Вот же дерьмо! Ну да ничего. Имелись у Голдберга кое-какие планы. Надо будет осмотреться на месте и заинтересовать свои-

ми идеями этого чертового Фарадея...

Зол был и тот самый агент ОРС Джейсон Фарадей, вызвавший столь негативные эмоции у специального агента Голдберга. Он и сам бы встретил команду техников, сам поставил им задачу, сам и проконтролировал. А уж в спланированной им, Фарадеем, операции все прошло даже без его непосредственного участия. И чего ради присылать сюда спецагента из Нью-Лэнгли?! Хорошо хоть, что полномочия у этого Голдберга такие, что командовать он тут не сможет. А вот нагадить может очень даже сильно. Потому что белый.

Милли, соседка, воспитывавшая маленького Джейсона после смерти матери, постоянно вдалбливала ему, что верить белым нельзя. «Запомни, Джейсон, – говорила Милли, – если ты хочешь чего-то добиться в жизни и вылезти из того дерьма, в котором мы живем, никогда не верь белым. Если тебе будет совсем плохо, ты можешь поверить черному, но белому не верь никогда!» Милли повторяла это по сто раз за день, и чем старше становился Джейсон, тем чаще убеждался в том, что Милли права. Тем более что Фарадей, хоть и смутно, но помнил времена, когда его семья жила неплохо, и очень хотел вылезти из дерьма, в которое его окунула жизнь после того, как исчез отец. Впрочем, почему исчез? Всем все понятно – отец маленького Джейсона возглавлял небольшой коллектив наркоторговцев, и, когда коллектив покрупнее заявил свои права на рынок, попытался эти права оспорить. С известным результатом и неизвестным местом захоронения.

Джейсон и сам пытался подзаработать на волшебных таблетках, но быстро понял, что к вожделенному уровню жизни такой путь не ведет. А вот если продавать не только наркоту, но и кое-какие сведения, интересные конкурентам, заработать можно значительно больше. Правда, довольно быстро поумневший юноша сообразил, что подобное совместительство легко может отправить его по стопам папаша. Так что в один прекрасный день Фарадей резко порвал с прежней жизнью – заключил контракт и отправился на военную службу.

Дальше все пошло легче. Нет, как раз служить было нелегко, а учиться в университете, куда он поступил на правительственный счет как честно исполнивший свои обязательства по контракту с министерством обороны, оказалось еще сложнее. Зато университетское начальство по достоинству оценило старательность, с которой студент Фарадей собирал и представлял информацию о событиях и настроениях в студенческом кампусе, и, когда в университете появились вербовщики из ОРС, порекомендовало им подающего надежды кандидата.

За время службы в армии, учебы в университете и работы в ОРС Фарадей неоднократно убеждался в том, что верить белым нельзя. А вот вступать с ними в деловые отношения очень даже можно. Если постоянно иметь в виду собственную выгоду. И никогда не давать белым понять, что он им не верит. Пусть они считают его, Фарадея, тупым ниггером (нет, они, конечно, никогда такого не скажут, но ведь думают

именно так), но он своего не упустит. А при случае поживится и тем, на что рассчитывали эти белые придурки, считая придурком его.

В общем, ничего для себя хорошего агент Фарадей в прибытии спецагента Голдберга не видел. Тем более что Голдберг был не просто белым, а евреем. Да, многие белые евреев не считают своими, но это их проблемы. Для Фарадея все они белые, всем им нельзя верить, и всех их надо при случае кинуть. Вот только как именно кинуть этого Голдберга, Фарадей пока не представлял. Потому и злился.

Видимо, как-то очень уж неблагоприятно сложилось все на планете Валентайн. Потому что в данный исторический момент злость одолевала и капитана-пилота Романа Корнева. То обстоятельство, что планету начали осваивать совсем недавно, стало для Романа источником сразу нескольких проблем. Во-первых, космопорт был оборудован кое-как, и пока местные возились с разгрузкой, какой-то ушлый кораблик уже успел взлететь. Корневу было очень трудно смириться с мыслью, что придется до самого вечера ждать, пока единственный в космопорту слабенький антиграв снова будет готов к работе. Во-вторых, сильно хотелось есть, а ближайшее место, где это можно было сделать в относительном комфорте и приемлемом ассортименте, находилось аж в поселке, до которого от космопорта надо было топать пару километров. В-третьих, эту пару километров надо было протопать и в обратном направлении, да еще и на полный

желудок. Вот именно этим нелегким делом Роман в данное время и занимался.

– Господин Корнев? – навстречу Роману шагнул огромный негр совершенно зверовидного облика, умудрившийся, несмотря на свои габариты, подойти незамеченным. – Интерпол, агент Джейсон Фарадей.

Ну вот, еще и это... Интерпол в свое время создали для поддержания порядка на Фронтире. Не на самих планетах, там полицейская служба отдавалась на откуп местным, а на Фронтире в целом. В задачу Интерпола входило расследование всякого криминала, выходящего за рамки одной планеты – поиск беглых преступников, пресечение наркоторговли, ну и остальное в том же духе. Правда, эффективность этой конторы зачастую оставляла желать лучшего, но хоть что-то они делали. Однако русские на Фронтире предпочитали в случае проблем с криминалом обращаться к своим консулам.

– Посмотрите, пожалуйста, – звероподобный негр, по странной причуде судьбы носивший фамилию старинного ученого, протянул Корневу пачку голоснимков, – может быть, вы знаете кого-то из этих людей?

Просматривая снимки, Корнев только порадовался, что среди его знакомых таких персонажей не было. Со снимков на него глядели морды, рожи, хари – что угодно, но никак не лица. Хотя... Таковую рожу точно не забудешь, пусть и видел всего один раз.

– Вот этот. – Корнев повернул снимок к Фарадею. – Ме-

сяца три назад я его видел на Старканзасе. Он работал там техником на космодроме «Старканзас-3». Зовут, кажется, Фред, фамилию не знаю.

– А не можете уточнить дату?

Порывшись в коммуникаторе, Корнев уточнил. Фарадей удовлетворенно кивнул, что-то отметил у себя в коммуникаторе, затем надиктовал официальный протокол опознания голоснимка Фреда Олсона Тайлера, разыскиваемого по обвинению в торговле наркотиками, попросил Корнева этот протокол заверить. Закончив все формальности, негр забрал снимки обратно.

– Спасибо, господин Корнев, вы нам очень помогли.

Роман пробормотал что-то вроде «пожалуйста». Вот еще, помог. Можно подумать, от того, что он опознал этого Тайлера, что-то зависит. Ладно, чем бы дитя ни тешилось...

Взлет «Чеглоку» назначили на поздний вечер по местному времени. Если учесть, что сейчас по тому же времени только-только закончилась первая половина дня, перед Романом встала во весь рост задача напряженной борьбы со скукой. Первый удар по скуке был нанесен уборкой пассажирской каюты. Пассажиров на Райнланде к нему село четверо, все в одну шестиместную каюту и все летели на Валентайн. По условиям договоров, заключенных на Райнланде, Корнев должен был доставить буровое оборудование на Валентайн и различные мелкие грузы еще на две планеты. Плюс еще забрать пассажиров на первой из них и доставить

на вторую. Так что в трюм, где пока оставались грузы, Роман не полез, а вот пассажирскую каюту прибрать явно стоило.

Следующий выпад против скуки Корнев решил сделать с помощью просмотра новостей. Русские новости принимались здесь не очень хорошо, но все же посмотреть известия из России было приятно. Особенно порадовало, что в новостях нашлось место и Александрии – родному миру Романа. Правда, о совсем уж родных местах ничего не было, но все равно душу грело.

Западные новостные каналы Корнев не стал и открывать. Ну что там может быть интересного? А вот канал «Колор Ньюс» в очередной раз порадовал экзотическими картинками. Корнева поразила репортаж с Мабуленги. О существовании такой планеты где-то в глубинах Черного космоса Роман раньше вообще не слышал. А там, оказывается, закончилась двадцатилетняя не то гражданская, не то просто межплеменная война и победители устроили в честь такого эпохального события грандиозное празднество. М-да, зрелище было... Гвоздем программы стала пляска нескольких тысяч голых негров, воинственно потрясавших человеческими костями и лихо перебрасывавших друг другу празднично раскрашенные черепа. Еще минут двадцать Корнев убил на новости с пары миров Желтого космоса с почти непроизносимыми названиями, в одном из которых случилось наводнение, а в другом землетрясение, причем число жертв в обоих случаях исчислялось тысячами. Потом Роман вполглаза поглядел

пересказ слухов о последних событиях в Исламском космосе, почти все миры которого для репортеров были закрыты, потом узнал, что на Шрирангапаттаме в Индийском космосе все-таки построили завод по синтезу топлива для космических кораблей, потом было еще что-то столь же бесполезное. От обилия экзотических названий, описания совершенно непонятных войн и переворотов, мелькания разноцветных лиц с чуждыми чертами и регулярных рекламных блоков с какими-то ненужными товарами Корнев начал потихоньку впадать в тягостную дремоту. Чтобы увидеть и услышать что-то вразумительное, Роман переключился на новости Фронттира.

Вот тут информация пошла интересная и даже полезная. Корнев для себя решил, что после этого рейса он, если ничего интересного не подвернется, отправится на Силенсию, где неожиданно возникли трудности с вывозом небывало обильного урожая сахарного тростника и потому местные были рады любому транспорту. Или загрузится на той же Нью-Либерти продовольствием для шахтеров Скраггенхольда, что тоже сулило неплохой доход.

«Внимание, розыск! – тревожные слова прозвучали вместо очередной рекламы. – Разыскивается Адельхайд Бюттгер, семнадцати лет, гражданка Германского Райха», – с экрана на Корнева смотрела очень симпатичная девушка, да нет, не симпатичная, а настоящая красавица. Простые и правильные черты лица, огромные голубые глаза, золоти-

стые волосы, заплетенные в две косы – торжество природной, естественной, настоящей и неоспоримой красоты белого человека.

«Четырнадцатого марта две тысячи триста семьдесят второго года по международному календарю группа туристов, в которую входила Адельхайд Бюттгер, подверглась на Альфии нападению неустановленных пиратов. Среди погибших и раненых туристов Адельхайд Бюттгер не обнаружена, предположительно похищена.

Приметы: рост сто семьдесят восемь сантиметров, что соответствует пяти футам и десяти дюймам...» – Корнев даже прослушал описание прочих примет, представляя себе такую рослую девушку. Представить, впрочем, было нетрудно – посмотрелся Роман на таких в Райхе. Эх, хороши лошадки!

«Была одета в белую блузку, зеленый жилет, темно-серые шорты, высокие ботинки коричневой кожи. Любую имеющуюся у вас информацию о пропавшей Адельхайд Бюттгер просим сообщать в ближайшее отделение Интерпола, местным правоохранительным органам или германскому консулу. Помогите найти и спасти человека!»

Корнев тяжело вздохнул. Найти и спасти... Девчонку почти наверняка похитили для продажи куда-нибудь в Исламский космос. Это почти что без вариантов – если похищают высокую, золотоволосую, голубоглазую молодую девушку, значит, какой-то жирный ублюдок отстегнул, роняя слюни, немалые деньги на украшение своего гарема. И все-таки

давно такого не было. Похоже, в Исламском космосе выросло новое поколение жирных ублюдков – еще не научившихся бояться и потому совершенно безмозглых. Будь у этих козлов хоть чуть-чуть мозгов, даже им было бы ясно, что девушку будут искать. И трудно сказать насчет спасения, но найдут ее почти что обязательно. Найдут рано или поздно, живую или мертвую. Что затем ожидает похитителей и заказчиков, Корнев очень хорошо представлял.

Лицо несчастной девушки снова заняло весь экран. Это ж надо было так назвать – Адельхайд Бюттгер! Такая милая внешность – и такое имя. Даже не подумаешь, что женское. Прямо как солдат какой-то. По-русски как-нибудь красиво звали бы...

Когда новости пошли по второму кругу, Корнев отключил трансляцию. Настала очередь проверки корабельных систем. Теоретически можно было эту проверку и не проводить, особенно важные системы автоматически проверяются перед стартом. Но теория теорией, а скуку вместе с лишним временем добивать надо. Роман запустил проверку и пошел заварить чаю. Как раз пока компьютер будет выяснять, в каком состоянии пребывает корабль, он спокойно попьет чайку.

Удобно уместившись в кресле, Корнев пристроил в специальном держателе на пульте чашку, наслаждаясь чайным ароматом, пока горячий напиток остынет до возможности насладиться и вкусом тоже. По экрану монотонно бежали строчки, сообщавшие, что очередная проверенная система

находится в норме, последний (крайний, конечно же!) раз запускалась тогда-то, в настоящее время ее статус такой-то. Передвижение строчек успокаивало и навевало самые что ни на есть приятные мысли.

Металлический звон звукового сигнала вывел Романа из блаженного мечтательного забытья. Через секунду звон повторился, окончательно возвращая Корневу к реальной жизни. На экране застыли два сообщения – компьютер обращался к своему владельцу с просьбой разрешить проблему, которую сама машина решить не могла или, по каким-то важным для нее причинам, не хотела:

Выполнена условно корректная команда

Содержание: открытие входной двери № 2.

Время выполнения: корабельное... местное ...

Условность корректности: выполнение с неустановленного внешнего устройства

Решение пользователя:

Сохранить и выполнять в дальнейшем?

Отправить в карантин (сохранить, но в дальнейшем не выполнять)?

Удалить?

Выполнена условно корректная команда

Содержание: закрытие и блокировка входной двери № 2.

Время выполнения: корабельное... местное ...

Условность корректности: выполнение с неустановленно-го внешнего устройства

Решение пользователя:

Сохранить и выполнять в дальнейшем?

Отправить в карантин (сохранить, но в дальнейшем не выполнять)?

Удалить?

Что за на хрен?! Роман потряс головой, проморгался – сообщения никуда не исчезли. Глотнув чаю, Корнев пытался сообразить, что бы это могло значить. Соображал он быстро и уже через несколько мгновений пришел к единственно возможному ответу. То, что ответ этот никак Романа не порадовал, было делом десятым. Как говорил полковник Арфьев, обстановка может быть плохой или хорошей, но она должна быть ясной. Так что ясной обстановка как раз и была, а вот назвать ее хорошей не рискнул бы самый завзятый оптимист.

Получалось, что за время его отсутствия на корабле кто-то сумел проникнуть на «Чеглок» и провел на борту почти полчаса – двадцать семь минут. И что этот взломщик тут делал? Где именно на корабле он побывал?

С последним вопросом все выглядело просто. Доступ в рубку, капитанскую каюту, трюмы и машинное отделение открывается через компьютер. Чужое попадание туда точно так же осталось бы в памяти компьютера, как и само проникно-

вание чужака на «Чеглок». Значит, был он в пассажирских каютах. И, кстати, почему «он»? Может, «они»? Но начать Корнев решил с осмотра кают. О количестве взломщиков можно подумать попозже.

Как ни старался Роман, никаких следов в каютах обнаружить не удалось. Ничего вроде бы не пропало, а если что-то искали, то очень уж аккуратно. Единственное, что Корнев смог для себя решить – взломщик точно был не один. Один человек вряд ли успел бы так ловко замаскировать следы своего интереса. Еще раз заглянув во все каюты, Корнев решил, что он сделал все, зависевшее лично от него. Так что оставшееся до старта время он потратил на составление письма русскому консулу на Морионе – планете, куда и собирался лететь сам.

Твою же мать! Внимательно перечитывая перед отправкой уже законченное письмо, Роман обратил внимание, что не уйдя у него каких-то десяти минут на общение с этим орангутангом Фарадеем, мог бы и застать чужих на корабле. Вот же подонок! Фарадей-прохиндей, галилей-бармалей, паскаль-блез-с-пальмы-слез! Впрочем, отведя душу ругательствами, Корнев вынужден был признать, что так, пожалуй, получилось тоже допустимо. Ну, насколько в данном случае вообще можно было говорить о допустимости. Все же эти взломщики вполне могли застать Романа врасплох, и кто его знает, чем завершилась бы такая встреча.

...Трудно сказать, рассчитывал ли Корнев на то, что столь

замысловато обруганного им Фарадея одолеет икота, но в данный момент Фарадей, совершенно не икая, продолжал обсуждать итоги дня с Голдбергом.

– Таким образом, мы имеем во всех пассажирских каютах только отпечатки пальцев и биологические следы, совпадающие с отпечатками и следами, оставленными на голоснимке Тайлера капитаном-пилотом корабля «Чеглок» Корневым, – витиевато, как будто читая протокол, выразился Голдберг. – Джейсон, а вы не находите, что этот самый Корнев просто удалил следы своего пассажира?

– Зачем? – недоумевающе отозвался Фарадей. – И, кстати, Бен, что у него был за пассажир?

Голдберг поморщился. Вот еще, эта черная образина называет его Беном!

– А вам не сказали? Ну, я не нарушу никаких инструкций, если сообщу вам, что по нашим данным, пассажиром капитана-пилота Корнева был майор Фомин.

– Вот дерьмо! – удивился Фарадей. – Тот самый Фомин?!

– Вы что-нибудь слышали о каком-то другом? – ехидно поинтересовался Голдберг, злорадно наблюдая, как у негра отвисает челюсть. Что ж, вот он и попался. Ключнув на такую наживку, как Фомин, этот чертов ниггер будет теперь работать на него, Голдберга. И, кстати, тоже что-нибудь получит от щедрот начальства. Но он, Голдберг, получит больше. Потому что главный тут – он. Теперь важно все правильно спланировать...

Наживка и правда была хороша. За последние годы штабс-капитан, затем капитан, а затем и майор Фомин стал самой жуткой головной болью ОРС на Фронтире. Этот чертов русский проворачивал какие-то совершенно невероятные операции, срывал тщательно спланированные операции ОРС, перевербовывал информаторов, подбрасывал дезинформацию, уводившую агентов ОРС во всех направлениях, кроме нужных. Двое агентов Службы стали жертвами несчастных случаев, а один вообще пропал без вести там, где как-то обнаруживался Фомин. Правда, некоторые аналитики утверждали, что «майор Фомин» со временем превратился в некий полуфантом, удачно маскирующий разветвленную сеть русской разведки на Фронтире. В пользу этой версии говорил тот факт, что лишь на двух из четырех имевшихся у ОРС голоснимков, предположительно запечатлевших Фомина, эксперты четко идентифицировали одного и того же человека, над которым поработали специалисты по изменению внешности. Остальные два снимка отличались столь отвратительным качеством, что нельзя было разобрать, тот ли человек изображен на них, что и на первых двух. Невозможно было даже определить, одного ли человека увековечили оба снимка, или же двух разных. Однако в этот раз Голдберга оповестили, что Фомина как пассажира «Чеглока» опознали именно по одному из имевшихся снимков, а вот на такое реагировать было необходимо. Впрочем, даже если «майор Фомин» и был неким рекламным ходом русских, это только

подтверждало и эффективность действий полуполюгендарного шпиона, и удачное использование одного его имени.

Последние года полтора Фомин никак на Фронтире не проявлялся, однако особой радости по этому поводу в ОРС не испытывали. Потому что объяснение было только одно – лучший русский шпион пошел на повышение и теперь русская разведка на Фронтире будет пакостить новыми операциями, разработанными всё тем же чертовым Фоминым.

– Но что понадобилось ему в Райхе? – задумчиво наморщил лоб Фарадей.

– Черт его знает! – отмахнулся Голдберг. – Было бы здорово, если этот ублюдок доставил чертовым джерри³ хотя бы половину тех проблем, что имели от него мы. Но такого удовольствия мы вряд ли дождемся. Скорее всего, русские с немцами решили потихоньку сговориться, как они это уже не раз делали. Но... – Голдберг внимательно посмотрел на негра и постарался придать голосу оттенок доверительности. – Но мы же с вами, Джейсон, можем это узнать, не так ли?

Фарадей, похоже, начал соображать, куда клонит Голдберг, но только задумчиво кивнул – продолжайте, мол.

– Если бы мы смогли выловить этого Корнева, он бы рассказал нам много интересного...

– Думаете? – подчеркнуто равнодушно спросил Фарадей. – Что интересного может рассказать обычный капи-

---

³ «Джерри» – прозвище немцев в англоязычных странах.

тан-пилот?

– А вы думаете, обычный капитан-пилот будет возить Фомина? Знаете, Джейсон, я специально интересовался... Фомин сел в «Чеглок» на Нью-Либерти и оформил рейс до Тринидада. Ну, вы сами знаете, что лететь в Райх с Нью-Либерти...

Фарадей понимающе хмыкнул. В его исполнении ухмылка вышла какой-то совершенно нечеловеческой. Голдберг продолжал:

– Поэтому на Райнланд Фомин отправился уже с Тринидада. Так вот, Джейсон, на Нью-Либерти в это время искали фрахт три русских корабля. А Фомин почему-то выбрал именно «Чеглок». Интересно, не правда ли?

– И как вы собираетесь ловить этого Корнева? Вы же понимаете, что именно устроят русские в этом случае?

– Да? А что устроили немцы из-за своей пропавшей девчонки? Точнее, что они устроили здесь, на Фронтире?

– А почему на Фронтире? – снова ухмыльнулся Фарадей. – Если пропала молодая блондинка, ее надо искать не на Фронтире, а в Исламском космосе.

– Верно! – радостно отозвался Голдберг. – А если пропал небольшой скоростной корабль, его надо искать...

– В Желтом космосе!

– Именно так, Джейсон. Поэтому здесь, на Фронтире, должен пропасть не капитан-пилот Корнев, а его корабль. И искать русские должны именно корабль. А пилот... Пилот про-

пал вместе с кораблем.

– Это санкционировано сверху?

– Пока нет. Но я уверен, что получу санкцию. Разумеется, Джейсон, с вашей помощью. Вы ведь не собираетесь всю жизнь торчать на Фронтире?

Торчать на Фронтире Фарадей, конечно же, не собирался. И пока Голдберг ждал ответа, он лихорадочно соображал, как сделать так, чтобы выгод здесь получить побольше, а проблем, по возможности, избежать вообще. Понятно, что в случае неудачи Голдберг выставит виноватым именно его, Фарадея. Значит, неудачи быть не должно... Только вот отказываться от этого дела никак нельзя. Потому что Голдберг все равно распишет начальству преимущества своего плана так красочно, что план этот Фарадею спустят из Нью-Лэнгли, и будет он не одним из разработчиков операции, а простым исполнителем. А чтобы получить от всей этой затеи не только повышение и перевод в цивилизованные миры, на что намекает Голдберг, а еще и кое-что посущественнее... Вот тут уже надо все серьезно продумать и хорошо постараться.

Голдберг примерно представлял, о чем думает сейчас Фарадей. «Ну, давай же, давай, – мысленно подгонял негра Голдберг. – Я сейчас твой реальный шанс поймать удачу! Ты получишь повышение, тебя переведут на нормальную планету. Ты поднимешься так высоко, как еще ни один негр не поднимался в ОРС. Я вижу, ты хочешь нажиться и на продаже русского корабля? Да сколько угодно! Я даже не буду от тебя

требовать долю, сам предложишь, хе-хе... Но тебе все равно достанется немало. Ну! Карьера, деньги – все это тебе будет, если ты начнешь работать со мной. Давай!»

И Голдберг ничуть не удивился, когда Фарадей решительно кивнул.

– Да, Бен. Я в деле. Запрашивайте санкцию.

– Бенджамен, – Голдберг так и не смог полностью скрыть торжествующие нотки в голосе. – Меня зовут Бенджамен. Я рад, что мы будем работать вместе.

Глава 5

Интересно все-таки устроен космос. Почему-то полет с Валентайна на Морион занимает куда больше времени, чем, скажем, на тот же Старканзас. А ведь в реальном пространстве расстояние примерно одинаковое, причем Старканзас даже поближе. Но сколько ни рассуждай о странностях гиперпространства, провести в этом самом гиперпространстве почти четверо суток придется. Ну да ладно, первый раз, что ли?

На Морионе Корнева уже ждали. Письмо русскому консулу Роман отправил еще в системе Валентайна, перед прыжком, так что пока он перемещался в гиперпространстве, к его прибытию подготовились. И подготовились, надо сказать, очень даже хорошо.

Едва Корнев вышел из портовой конторы, где урегулировал все вопросы с разгрузкой и уведомлением ожидаемых пассажиров, к нему подошел Константин Еремеев – помощник русского консула. С помощником этим Роман был в приятельских отношениях, ну насколько можно считать приятелем человека, с которым встречаешься хорошо если раз в три-четыре месяца, но как-то вот сложилось именно так. После всех положенных приветствий и взаимной радости от встречи они пошли в консульство, благо находилось оно не так далеко.

– Тут, Рома, такие дела начались после твоего письма...

– Что такое?

– В общем, сразу после твоего «Чеглока» было еще два похожих случая с «северами». На «Нью-Либерти-1» какие-то темные личности вертелись возле «Марины», не знаю, знаком ты с ее капитаном Никоновым или нет. Как только этими типами заинтересовались работники космопорта, те моментально исчезли. И буквально сразу сообщили, что на Тексалере какой-то азиат копошился с дверью «Файр Дэнс», это тоже «север». Ну, сам знаешь, там народ строгий. Попытался этот азиат удрать от портовых охранников, те его и застрелили, не долго думая.

– Ни хрена себе, – сказал Корнев. Капитана Сергея Никонова он знал. Тот, кстати, был именно капитаном, а не капитаном-пилотом – летал с вторым пилотом-штурманом. Название другого корабля было Роману незнакомо. – А что еще за «Файр Дэнс»?

– Его купил в рассрочку тамошний пилот, а поскольку сумма полностью не выплачена, за корабликом присматривает наша консульская служба.

– Да уж... – ничего подобного Корнев даже не припомнил. – И что теперь?

– Что? Да вот, работаем, – ответил Константин. – Генеральный консул поднял всех, кого мог, так что тебя сейчас целое войско дожидается, уже часа полтора как прибыли.

– А что за войско?

- Двое жандармов и двое из Инженерного корпуса⁴.
- Неслабо, – уважительно отозвался Роман.
- Сам знаешь – Россия своих всегда защищает.

Это Роман очень хорошо знал. Империя на Фронтире внимательно следила и за безопасностью своих граждан, и за обеспечением их интересов. Как выяснилось, не только своих. Этому малому, капитану «Файр Дэнса», повезло – теперь и его имущество защищено Российской Империей. Конечно, купив корабль в рассрочку, он неплохо переплатил, но сейчас, небось, даже рад. Что ж, все правильно. Люди – главное достояние России, а люди, работающие на свой достаток, и казну империи пополняют. Неплохо пополняют, кстати. Когда Корнев первый раз услышал, сколько гильдия независимых навигаторов отчисляет в казну, он пару минут пребывал в легком шоке от названных цифр.

...В кабинете консула было тесновато. Сам консул Селижаров занимал собственный стол, а за столом приставным кое-как уместились еще четверо. По нашивкам и эмблемам на стандартной космофлотской униформе их можно было принять за членов экипажа какого-нибудь корабля на класс-другой покрупнее «Чеглока» (кстати, что-то такое большое Корнев в космопорту видел, но подробности разглядеть не

---

⁴ *Инженерный корпус* (полное название – *Императорский гражданский инженерно-технический корпус*) – военизированная организация в Российской Империи, созданная для оказания экстренной квалифицированной технической помощи в чрезвычайных ситуациях или иных условиях, требующих немедленного привлечения технических специалистов.

успел).

Консул представил Корнева присутствующим, они, в свою очередь, представились Роману сами.

– Штабс-ротмистр Сергеев, Илья Витальевич, Отдельный корпус жандармов, – среднего роста худощавый мужчина, которого можно было принять за кого угодно, только не за офицера, крепко пожал Корневу руку. – Прапорщик Татаринов, Леонид Андреевич, – представил он своего молодого помощника, ярко выраженного казака с заливчатски закрученными усами.

– Инженер-специалист⁵ Инженерного корпуса Клевцов, Сергей Павлович, – назвал себя невысокий полноватый человек с добрым и приветливым лицом. – И техник-специалист⁶ Михальчук Анатолий Станиславович, – Корневу приветливо улыбнулся и протянул руку рослый плечистый красавец, какими обычно рисуют солдат на праздничных открытках.

– Мы сейчас все вместе пойдем к вашему кораблю – сказал Сергеев, – так что ведите себя, как будто старых знакомых встретили. Вам даже особо ничего изображать не надо, мы с Леонидом Андреевичем сами подходящего шуму надеваем, сколько нужно, просто будьте веселым и довольным,

---

⁵ *Инженер-специалист* – звание в Инженерном корпусе, соответствующее армейскому капитану (ротмистру).

⁶ *Техник-специалист* – звание в Инженерном корпусе, соответствующее армейскому поручику.

хотя бы только на вид.

Корнев понимающе кивнул.

– На корабле сначала вашу каюту проверим, – продолжил штабс-ротмистр. – Мало ли что вам туда подсунуть могли. Потом господа инженеры будут вашим компьютером и остальными помещениями заниматься, тогда мы с вами уже и предметно побеседуем.

Нашумели господа жандармы и правда знатно. Они умудрялись вдвоем балагурить за всю компанию и в конце концов заразили своим весельем не только инженеров, но и Романа, хотя уж ему-то повод для этой встречи особой радости никак не принес. В общем, к «Чеглоку» они подошли одной дружно ржущей (именно ржущей, а не смеющейся или там гогочущей) гурьбой – рассказывать анекдоты прапорщик Татаринов был мастер.

На корабле эстафету поддержания веселья принял штабс-ротмистр Сергеев – прапорщик Татаринов и техник-специалист Михальчук занялись обследованием капитанской каюты. Предположение Корнева о том, что туда взломщики не добрались, было отвергнуто с ходу. Да Роман и сам не возражал, лучше уж пусть ему специалисты об этом скажут, а не собственные умозаключения.

Когда оба эксперта, зайдя в рубку, знаками показали, что все чисто, Корнев со штабс-ротмистром перебрались в каюту. Жандарм попросил Корнева подробно изложить все под запись на коммуникатор, потом начал задавать уточняющие

вопросы. Роман поразился, сколько, оказывается, информации можно извлечь из человека при профессиональном подходе. Отвечая на вопросы Сергеева, Корнев вспомнил множество деталей, которым не придавал никакого значения и сам себе удивлялся – сколько же много он на самом деле увидел всяких мелочей. Увидел – и не обратил внимания. Теперь же они всплывали в памяти, фиксировались и вставляли в общую картину, которую штабс-ротмистр, похоже, начал себе представлять. Особенно Сергеев заинтересовался встречей с этим негром из Интерпола, Фарадеем. Бормоча себе под нос нелицеприятные выражения в адрес Интерпола, Сергеев сразу же связался с кем-то по коммуникатору и велел узнать, какой статус в Интерполе занимает Джейсон Фарадей и что именно эта, явно малопочтенная, по мнению штабс-ротмистра, организация предпринимает в отношении некоего Фреда Олсона Тайлера.

– В рубке тоже чисто, – в дверь заглянул прапорщик Татаринов. – Сергей Павлович там продолжает с компьютером работать, мы с Анатолием в пассажирские каюты.

Сергеев кивнул. Вопросов к Корневу у него вроде больше не было, и Роман пошел посмотреть, что там происходит в рубке.

Инженер-специалист Клевцов увлеченно манипулировал с переносным компьютером, который, надо полагать, он подключил к корабельному. В воздухе парило объемное отображение происходящих в электронной начинке обеих машин

действий. Невообразимо сложное переплетение каких-то разноцветных линий, мерцающие или равномерно светящиеся огоньки, столбцы цифр и значков – все это великолепие, повинувшись ловким движениям пальцев Сергея Павловича, то вращалось в разных направлениях, то останавливалось, отдельные фрагменты вдруг увеличивались и после внимательного рассмотрения снова возвращались к прежним размерам, некоторые из них меняли цвет, другие занимали новое место или вообще исчезали. Все это отдавало некой таинственной мудростью, доступной лишь посвященным, и если бы не веселый азарт на лице Клевцова, могло бы сойти за какое-то священнодействие.

Интересно было смотреть и на самого инженера-специалиста. Работал Клевцов задорно, работой своей самым очевидным образом наслаждался и ничего вокруг, казалось, не замечал. Его пальцы, неожиданно короткие и толстые для человека такой профессии, с головокружительной скоростью бегали по клавиатуре, при этом часть команд он еще и вводил голосом. В зависимости от результатов этих команд инженер-специалист то недоверчиво хмыкал, то довольно усмеялся, то радостно сиял, а иной раз и восхищенно цокал языком. Однако же оказалось, что даже в таком увлечении Клевцов успевает заметить и то, что происходит по соседству с рабочим местом.

– Думаю, скоро уже закончу, Роман Михайлович, – не поворачивая головы, сказал инженер-специалист.

Корнев вернулся в каюту. Штабс-ротмистр Сергеев уже перевел запись беседы с коммуникатора в переносной компьютер и внимательно ее просматривал, делая какие-то пометки. Через несколько минут заглянул Клевцов, попросив у Корнева его коммуникатор, еще чуть позже зашел Татаринов, и они с Сергеевым вышли, но довольно быстро возвратились, а еще спустя минут пять техник-специалист Михальчук радостно сообщил, что никаких «жучков» на корабле нет. И наконец, к ним присоединился Клевцов, все такой же довольный и сияющий, как и во время работы. Все пятеро кое-как расселись в тесноте капитанской каюты – со свободным местом на «северах», как и на любых небольших кораблях, было не густо.

– Ну что, Роман Михайлович, – кое-как уместившись на краю койки, начал Клевцов, – ломали вас, должен сказать, профессионально и грамотно, хотя и совсем не изящно. Я бы работал по-другому.

– Что значит «профессионально и грамотно» и что значит «по-другому»? – спросил Сергеев.

Клевцов метнул на штабс-ротмистра недовольный взгляд, как бы говоривший: «Вот, понимаешь, нашелся умник, рассказывать мешает. И, кстати, я на чин старше». Но тут же одарил всех очередной улыбкой и продолжил:

– Для подбора кода использовались два мощных переносных компьютера. Мощных, – упредил он Сергеева, явно желавшего задать именно такой вопрос, – это значит с

быстродействием на порядок выше, чем вот этот, – толстый палец инженера-специалиста нацелился на переносной компьютер штабс-ротмистра. Такая вот маленькая, но изощренная месть профессионала.

– Решение, как я уже говорил, профессиональное и грамотное, но я бы действовал иначе, – Клевцов встал и даже в тесноте каюты сразу нашел место, с которого он видел всех присутствующих, а все видели его. Роман подумал, что Клевцов наверняка долго преподавал, а может, преподает и сейчас, в свободное от службы время. Очень уж характерным и узнаваемым было поведение Сергея Павловича.

– Я бы, – продолжал Клевцов, – просто перехватил сигнал, подаваемый с коммуникатора на корабль, записал бы его и использовал по своему усмотрению. Кстати, вашего (снисходительно-вежливый кивок в сторону штабс-ротмистра) компьютера мне бы для этого вполне хватило, так что у меня бы получилось и дешевле.

– Как думаете, – Сергеев, похоже, решил не замечать уловок инженера-специалиста, – почему же тогда был использован именно такой способ? С двумя мощными и дорогими компьютерами? Какие преимущества от этого получили взломщики?

– Хм... – Клевцов призадумался. – Если только... – он задумался еще на полминуты, – если только выбор удобного времени. Да, именно так. Вот смотрите, – круговым движением руки Сергей Павлович как бы отмел в сторону все

возражения и уточняющие вопросы, – перехватить сигнал с коммуникатора можно только в момент передачи. То есть надо заранее занять удобное место, поближе к кораблю и желательно неприметное, дожидаться, когда пилот будет открывать дверь и перехватить сигнал. А так – дождались, пока Роман Михайлович уйдет, и начали на одном компьютере подбирать код, а другим отслеживать реакцию бортового компьютера корабля. Я подробно все напишу в экспертном заключении, сейчас вам головы морочить не буду, но смысл в том, что так все делается быстрее, чем просто путем подбора кода, какой бы мощный компьютер при этом ни использовался. Так что объяснение может быть только такое.

Выдержав небольшую, на несколько секунд, паузу, чтобы дать присутствующим возможность осмыслить сказанное, Клевцов протянул Корневу его коммуникатор.

– Вам, Роман Михайлович, я установил многоуровневую защиту передачи кода. Сейчас вы введете новый код и пользуйтесь спокойно. Передавать код на открытие будете совершенно так же, как и раньше, дальше будет работать моя программа. Ни перехватить ваш сигнал, ни подобрать ваш код теперь никто не сможет.

– Спасибо, Сергей Павлович, – Корнев взял коммуникатор и ввел новый буквенно-цифровой код.

– И что, правда так никто и не сможет? – недоверчиво спросил Сергеев.

– Ну, знаете, Илья Витальевич, – несмотря на свой неболь-

шой рост, Клевцов умудрился глянуть на штабс-ротмистра свысока, – абсолютной защиты не бывает. Как, впрочем, и абсолютного нападения. Сигнал, конечно, перехватить можно, вот только с любого другого устройства этот перехваченный сигнал никогда не пошлет правильный код. Уж за это я готов ручаться. А что касается подбора... Теоретически, конечно, можно. Да. Впрочем, можно выкрасть компьютер с корабля, найти там мою программу...

– А почему компьютер с корабля, а не коммуникатор? – снова вклинился Сергеев.

– Потому что управляющая программа записана именно на компьютере корабля. И уровень защиты, который можно обеспечить с помощью этого компьютера, куда выше, чем у коммуникатора. И, кстати, при попытке взлома эта программа будет записывать все действия взломщиков и снимать их на обзорные камеры.

– Вот за это спасибо, Сергей Павлович, – в голосе Сергеева отчетливо прорезались властные нотки. Клевцов, только что подобный огромному сияющему солнцу, вокруг которого вращаются маленькие и тусклые планеты, мгновенно оказался отодвинут на второй план. Конечно, офицер Инженерного корпуса – это очень хороший специалист, но кадровый офицер, пусть и жандармский – прежде всего командир. Сергеев продолжил:

– Я так думаю, вам не только Роман Михайлович будет признателен за эту программу, но и вся гильдия независи-

мых навигаторов. Мы еще поговорим с вами о дальнейшем использовании ваших разработок, а пока давайте закончим здесь. Вам, Роман Михайлович, следует фиксировать прибытие и убытие на каждую планету в русском консульстве. Если такового на планете нет, шлите сообщение в генеральное консульство на Тринидаде. Как только необходимость в этом отпадет, мы вам сообщим.

– Спасибо, господа, – сказал Корнев. – В честь такого случая, может быть, по рюмочке?

Роман извлек из шкафчика литровую бутылку клюквенной настойки, которую возил уже месяца два, с тех пор как последний раз был дома. По большому счету, такое дело надо было бы отметить хорошим товарищеским обедом, но, увы... На «северах», как и почти на всех небольших кораблях, ни камбуза с соответствующим оборудованием, ни кают-компании предусмотрено не было. И пилотам, и пассажирам приходилось довольствоваться разогреваемыми в волновых печах готовыми пайками да высококалорийными питательными батончиками, запивая все это минералкой или растворимым кофе. Правда, себе, любимому, Корнев поставил электрочайник, кофемашину и даже маленький холодильничек, но должны же у господина капитана-пилота иметься хоть какие-то привилегии? Так что обед на корабле исключался по причине неуместности – кормить дорогих гостей стандартными пайками просто неприлично. А идти куда-то всей компанией и привлекать чужое внимание – ну

тут не надо быть великим конспиратором, чтобы понимать всю недопустимость этого предприятия. Опять же, Великий пост. Если кто-то соблюдает, может неудобно получиться. А выпить по чуть-чуть можно, грех, конечно, но не такой уж и большой...

Сам Корнев пост не то чтобы так уж строго соблюдал, не при его образе жизни и работы это, но честно старался. Когда служил в летном флоте, там было проще – что дали, то и ешь. Чем тебя кормит любимое командование – не твоя забота. Здесь пост можно соблюдать только на корабле – набрал соответствующих пайков и вперед. А с питательными батончиками еще проще. Они, конечно, всякие белки да жиры содержат, но что-то Корнев сильно сомневался, что эти белки и жиры имели животное происхождение. А если и имели, все равно назвать это мясной пищей язык не поворачивался. На планетах дело другое. Возможность поесть постную пищу имела далеко не везде, так что приходилось, как говорится в избитом каламбуре, есть что есть. Ну а что касается девок... Нет, конечно, здоровый мужской организм своего требует, но дело, как чувствовал Корнев, шло к тому, что девки, которыми он пользовался на Фронтире, скоро заставят его соблюдать не только Великий пост, но и все остальные постные дни русского календаря. Хватало, правда, на Фронтире и девчонок, промышлявших проституцией не профессионально, а так, на любительском уровне. Эти были заметно поинтереснее профессионалок. Сам Корнев их не

пробовал, но знакомые делились впечатлениями и даже подсказывали Корневу, где в местных сетях можно таких любительниц найти. Однако для подобного поиска требовалось и самому зарегистрироваться на соответствующих страницах, а вот это для Корнева было невозможно. Нет, техническая возможность, конечно же, имелась, как же без этого. Но выставлять себя на всеобщее обозрение, можно сказать, на витрину, ради такого повода было как-то не оскорбительно даже, а просто... В общем, в понятие Корнева о нормальном человеке такое не укладывалось.

Жандармы и инженеры с удовольствием отдали должное вкусу и аромату настойки. Закусить было нечем, но никто по этому поводу не переживал. Ну что такое двести граммов для здорового мужчины? И зачем их еще и закусывать, если и так вкусно? Потом сказали друг другу несколько теплых слов на прощание, и Корнев остался на корабле один.

Пассажиры должны были появиться только завтра, так что приведение в должный вид предназначенной для них каюты Роман отложил на потом. Сейчас надо обдумать последние события и решить, что и как делать дальше.

С проникновением чужих на корабль все понятно, спасибо Клевцову. Спасибо ему же, что этот вопрос теперь решен. А вот зачем все это было затеяно?

Ежу понятно, что жандармы что-то накопили. Тому же колючему зверьку ясно, что делиться своими сведениями и соображениями с Корневым они не спешили. Что ж, у них

служба такая. Но, как известно, уши даны человеку, чтобы слышать, глаза – чтобы видеть, а мозги – чтобы услышанное и увиденное анализировать. Все три названных органа у Корнева присутствовали, услышать и увидеть ему кое-что удалось, оставалось только загрузить мозги.

Роман поудобнее устроился на кровати и стал вспоминать мелкие подробности, так или иначе замеченные им во время работы жандармов и инженеров.

Самое интересное было, когда прапорщик Татаринцов позвал штабс-ротмистра Сергеева и они шептались за дверью каюты. Все, что там говорилось, Корневу услышать не удалось, но один интересный обрывочек он расслышал хорошо. Как там сказал прапорщик? «Был использован биосканер». Биосканер у Татаринцова был. Но ведь вряд ли прапорщик сказал бы так о своей работе? В отчете он так написать мог – «был использован биосканер», а вот устно сказал бы как-нибудь по-другому. Ну, например: «Биосканер показал, что...» или что-то в этом роде. Значит, что? Значит, он говорил не о своем биосканере. Он говорил о том, что обнаружил следы использования чужого биосканера! А вот это уже интересно...

Корнев вскочил с кровати, метнулся в рубку и уселся за компьютер. Проведя несколько минут в Руссети, удовлетворенно потер руки. Да, биосканер оставляет следы, которые при использовании соответствующего оборудования можно заметить. Вот их-то и нашел прапорщик Татаринцов.

Так, а для чего используется биосканер? Правильно, для обнаружения и последующей идентификации биологических следов человека – отпечатков пальцев, пото-жировых выделений, чего-то там еще... Если учесть, что работали этим биосканером в пассажирских каютах, то интересовали взломщиков следы именно пассажиров. А каких именно пассажиров? Четверых геологов, севших на Райнланде? Хм, вряд ли. Они ведь так на Валентайне и остались, так что их биологические следы куда проще было срисовать там. Да и зачем следы, если их и самих можно было найти и незаметно сделать сколько угодно снимков? Нет, искали следы пассажиров, которых на Валентайне не было. Причем пассажиров недавних. И подходил под такое определение только один человек – Дмитрий Николаевич Лозинцев. Потому что до него Корнев совершил два рейса без пассажиров. Так что если бы разыскивали тех, кого он возил до Лозинцева, подсуетились бы раньше.

Ох, Дмитрий Николаевич, интересный ты человек! Настолько интересный, что кто-то хочет тебя идентифицировать по всем правилам...

Да мать же твою куда не надо! Корнев аж подскочил. Получается, что возня неизвестных взломщиков на «Чеглоке» и непонятные происшествия с «Мариной» и «Файр Дэнсом» – это не одно и то же! Или... Корнев не знал, что было надо злоумышленникам на тех кораблях, тем более что достичь своих целей этим придуркам так и не удалось. Может,

и там пытались идентифицировать каких-либо пассажиров. В любом случае надо сообщить Сергееву, хотя он, как профессионал, наверняка уже и сам это заметил.

Коммуникатор приятным женским голосом сообщил, что вызываемый абонент (в данном случае штабс-ротмистр Сергеев) в настоящее время ответить не может, но примет сообщение голосом или почтой. Корнев решил, что сейчас не тот случай, чтобы пользоваться голосовым сообщением – свои соображения надо изложить четко, ясно и так, чтобы адресату было удобнее их обдумать. Поэтому через несколько минут штабс-ротмистру Сергееву от капитана-пилота Корнева ушло письмо по сетевой почте. Немного подумав, Роман отправил еще одно письмо – Лозинцеву.

Корнев считал, что в некоторой степени мог быть собой доволен. На вопрос о том, что и зачем делали взломщики на его корабле, ответ он нашел. Хуже было с тем, что и как делать дальше. Здесь Роман, как ни старался, ничего толкового придумать не смог. Оставалось только следовать указаниям штабс-ротмистра Сергеева и исправно сообщать русским представителям на Фронтире о своем местонахождении. Ну и, конечно, надеяться, что жандармы размотают этот клубок.

Все-таки, что ни говори, а получается что-то совершенно непонятное. Нет, на Фронтире русскими были довольны отнюдь не все. И недовольство это временами очень даже отчетливо проявлялось. Но в последние годы, ну, по крайней мере за те два года, что сам Корнев мотался по Фронтиру,

оно, это недовольство, никогда не выходило за рамки мелких пакостей. Проволынят с погрузкой-разгрузкой, с той же заправкой, например. В кабаке привяжутся с целью дать или получить в зубы. Тут Корневу везло – его кулаки встречались с неприятельскими зубами чаще, чем это случалось с обратным знаком. Иногда даже устраивали затяжки с оплатой, но совсем редко. В общем, ничего страшного. А тут... Непонятно это. Потому и неприятно. А если уж совсем по-честному, то даже страшновато как-то.

Ну да, как говорится, волков бояться – в лес не ходить. Против неприятного чувства какого-то неясного страха Корнев применил испытанное народное средство – работу. Пассажирскую каюту Роман привел в такой идеальный порядок, что даже жалко было пускать в нее тех, для кого она, собственно, и предназначалась. В своей каюте тоже прибрался на совесть. Немного отдохнув, прибрался еще и в рубке. Была еще мысль хотя бы частично прибраться в трюме, но там оставался кое-какой груз, так что эту идею Корнев отверг как явно нежизнеспособную.

А дальше было уже проще. Обилие работы поспособствовало крепкому здоровому сну, утро Роман встретил хорошим завтраком (не на корабле, а в приличном заведении рядом с космопортом), а там явились и пассажиры. Они, кстати, оказались нормальными молодыми ребятами – итальянцами, завербовавшимися на рудники Миллисенты. Правда, поначалу эти парни очень уж сильно галдели, пока устраива-

лись на корабле. Зато потом углубились в виртуальную реальность какой-то игры – и до самого пункта назначения Роман их даже не видел.

Там же, на Миллисенте, Корнев почти сразу нашел себе и новый фрахт. Пару контейнеров с биоматериалами надо было доставить на Томб. Далековато, конечно, да и не так просто найти на Томбе что-то, что можно с хорошей выгодой отвезти в другие миры, но предложенная оплата этот рейс вполне оправдывала.

Контейнеры сопровождал невысокий лысоватый мужичок лет сорока. Заняв одноместную каюту, ту же, в которой не так давно обитал Лозинцев, он сидел там тихо, совершенно не докучая Корневу. Романа это более чем устраивало, еще оставались несколько фильмов, которые он не видел. Раз уж приходится торчать в гиперпространстве, надо проводить время с толком.

– Капитан, – пассажир неловко переминался в дверях рубки, держа в руке попискивающий коммуникатор, – у меня проблемы с грузом. Один контейнер перегревается... Ничего опасного, но я бы просил вас открыть мне трюм.

Корнев вздохнул. По правилам, во время полета допуск в трюм предоставлялся пассажирам в присутствии капитана или лица, им назначенного. А поскольку назначить Корневу было некого, пришлось поставить фильм на паузу и идти самому.

Глава 6

Для пилотов, засидевшихся в кабинах своих истребителей, долгожданный сигнал готовности к старту прозвучал небесной музыкой. То есть музыкой он прозвучал для тех, кому предстояло лететь сейчас, а у пилотов тринадцатого и двадцать первого истребительных полков сигнал вызвал острый приступ зависти к своим товарищам из восьмого и двенадцатого.

Сдерживая нетерпение, Корнев аккуратно выполнял поступавшие одну за другой команды. Однако же, когда медленно раскрылись бронированные ворота, и только невидимая пленка силового поля осталась отделять взлетную палубу от забортного пространства, справляться с острым желанием стартовать прямо сейчас стало намного труднее.

Ну, наконец-то! «Филиппок» Корнева качнулся, подхваченный антигравом корабельной катапульты, и через пару секунд оказался на стартовой позиции. Резкий пинок направленного гравитационного импульса вдавил Корнева в кресло и швырнул машину вперед. Еще пара секунд – и автоматика включила в маршевый режим уже прогретые движки. Быстро заняв свое место при командире эскадрильи, Корнев смотрел, как формируют строй машины двух полков, выбрасываемые катапультами авианосцев. На каждом было по четыре таких катапульты, и все они сейчас деловито и ритмично

но наполняли пространство перед собой истребителями.

– Вторая эскадрилья, доложить о готовности! – голос ротмистра Мелентьева был, как обычно, спокойным и уверенным. Тут же зазвучали голоса пилотов, подтверждающие готовность.

– Господа офицеры! – Корнев узнал глуховатый голос командира полка полковника Арефьева. – Что и как делать, вы знаете. Я в вас уверен. Атакуем!

Оба полка с нетерпением ринулись в бой и успели вбить в землю десятки вражеских машин, прежде чем фазанцы сообразили, что вообще происходит. С приходом столь мощного подкрепления открылось второе дыхание и у летчиков флотской авиации.

Работали быстро и аккуратно. Как показал опыт Корнева в ведомых у комэска, одно другого никак не исключает. Более того, аккуратность и дисциплинированность очень часто как раз и помогают действовать быстрее. Не отрываясь от ведущего, Корнев успевал следить за обстановкой вокруг себя и командира, отслеживать состояние своего «филиппка», вовремя нажимать на гашетку, если в прицел случайно попала машина противника, валить фазанцев, пристраивающихся в хвост командиру эскадрильи, стряхивать противника с собственного хвоста.

– Ребята, все! Мы их урыли! – кто-то не смог сдержать эмоций, голос Корнев не узнал. И правда – внезапно оказалось, что кругом только свои, чужих не осталось.

– Не отвлекаемся, у нас еще цели, – сухо напомнил командир.

Корнев еще успел увидеть, как появились спасатели на своих неуклюжих на вид, но исключительно маневренных ботах. Хорошо, значит, кто-то из пилотов выжил, есть от них сигналы. Охранять спасателей и эскортировать их на авианосцы остались флотские истребители, как раз на это им и хватало остатков горючего. А восьмой и двенадцатый истребительные полки развернулись и на малой высоте помчались к позициям ближайшей планетарной батареи. Точнее – к позициям зенитной артиллерии, прикрывавшей эту батарею.

Атаку на фазанских зенитчиков провели сразу с трех сторон. Одну ударную группу составили два полка, только что закончившие воздушное сражение и успевшие израсходовать часть подвесного вооружения, две другие группы образовали свежие, не участвовавшие в «собачьей схватке», истребительные полки – тринадцатый и двадцать первый. Их подняли с авианосцев с таким расчетом, чтобы они смогли атаковать одновременно с восьмым и двенадцатым. По одной эскадрилье каждого из свежих полков вышли на цель чуть раньше общей атаки и дружным залпом освободились от всех своих ракет, каждая из которых лопнула над фазанскими зенитчиками десятками имитаторов целей. И не успели вражеские операторы приняться за приведение в чувство враз ошалевших систем наведения, как у них появились совсем другие проблемы – град ракет и исполозовавшие небо

росчерки пушечных выстрелов.

Развернувшись и зайдя на второй заход, «филиппки» вели огонь исключительно из лазерных пушек – все ракеты ушли в первом заходе. Какие-то ракетные и пушечные установки фазанцев сумели-таки уцелеть и всюю огрызались, но они пытались защитить только самих себя или просто продать свои жизни подороже – как такового зенитного прикрытия планетарной батареи уже не существовало. Чем и не преминули воспользоваться штурмовики – шестьдесят машин четвертого штурмового полка одиннадцатой авиадивизии и семьдесят машин пяти флотских штурмовых эскадрилий.

Две эскадрильи флотских «шкафчиков»⁷, красиво разойдясь веером, ударили залпом из восемнадцати сотен ракет. Взрывы этих ракет приняло на себя защитное поле планетарной батареи, приняло – и не выдержало. Тут же на батарею обрушились тысячи новых ракет и бомб. Толстая многослойная броня орудийных башен выдерживала не два, не три, не пять и даже не десять попаданий, но этих попаданий было много. Слишком много даже для такой мощной брони. А уж если ракета или бомба встречалась с пушечным стволом (что происходило довольно часто, при такой-то плотности поражения), то все попадания в башню оказывались уже и лишними.

Последний, контрольный, так сказать, проход над остат-

---

⁷ «Шкафчик» – прозвище корабельных штурмовиков ШК-28К (модификация ШК-28).

ками батареи, расстрел из лазерных пушек всего, что выглядит подающим признаки жизни, – и машины потянулись обратно к авианосцам.

– Ну, спасибо, Рома, – ротмистр Мелентьев протянул Корневу свою здоровенную ручищу. – Лихо ты этих ловкачей завалил! Молодец!

Как понял Корнев, комэск поблагодарил его за тех двух уродов, что пытались пристроиться командиру в хвост. На самом деле завалить их было для Корнева нетрудно, эти фазанцы настолько увлеклись атакой, что даже, похоже, не пытались следить за тем, что у них происходит в задней полусфере. Так что, назвав их ловкачами, командир уродам явно польстил. А вот благодарность и похвала командира, да еще и обращение по имени стоили многого. Насколько Корнев знал комэска, по имени тот обращался только к тем подчиненным, кого считал действительно стоящими летчиками.

Корнев украдкой посмотрел по сторонам, надеясь, что кто-то из пилотов слышал, как ротмистр назвал его Ромой. Кажется, услышали и оценили.

Разминая ноги, корнет Корнев вместе с остальными пилотами эскадрильи (не всеми, двоих, увы, потеряли) поковылял перехватить горячего кофе и просто отдохнуть, пока командиры не начнут отдавать новые приказы.

Набежали техники и, где поругиваясь про себя, а где и матерясь в голос, начали что-то подкручивать, что-то подвинчивать, а что-то просто осматривать. Машины, которые

признавали непригодными к повторному вылету, тут же оттащивали подальше, а вокруг остальных продолжалась деловитая суэта с закручиванием последних гаек, продувкой и прочисткой всего, что нужно продуть и прочистить. Машины заправляли топливом и тут же техников сменяли оружейники. Опустошенные батареи зарядов к автоматическим лазерным пушкам меняли на полные, заодно проверяя состояние самих пушек и систем управления огнем, быстро подкатывали к машинам тележки с бомбами и ракетами, быстро освобождали их от груза, занимавшего свое место на подвесках, быстро откатывали обратно. В бортовые компьютеры боевых машин штабные офицеры загружали координаты следующих целей, а командиры заполняли умы пилотов новыми боевыми приказами.

Атаку на следующую планетарную батарею было решено провести по другой схеме и значительно большими силами – присоединив к одиннадцатой авиадивизии и флотским штурмовикам еще и флотские истребители. Почти пять сотен машин несколькими последовательными волнами спикировали на планетарную батарею и ее зенитное прикрытие. Едва русские на максимально возможной скорости вошли в атмосферу, им навстречу сразу же ударили тяжелые пушки батареи. Не самое умное решение фазанских командиров – конечно, выстрел тяжелого планетарного орудия мгновенно испарял истребитель или штурмовик, но ведь надо было еще и попасть, а вот это было, мягко говоря, непросто. Видимо,

очень уж не хотелось батарейцам разделить участь своих соседей. Настолько не хотелось, что думать было уже некогда.

Стараясь не смотреть на проносившиеся, казалось, почти вплитирку к его машине оранжевые импульсы выстрелов, Корнев вспоминал училище. На инструктаже перед первой учебной атакой наземной цели с пикирования подполковник Джуретич говорил юнкерам о закономерности, подмеченной еще четыреста лет назад, когда такие атаки планировались и проводились впервые.

– Перед Второй мировой войной, господа юнкера, артиллеристы-зенитчики считали, что бомбардировщик, отвесно пикирующий на позицию зенитного орудия, неминуемо будет сбит, – каждое слово подполковник выговаривал подчеркнуто отчетливо, как будто заученным экономным движением вставляя на место очередную деталь при сборке пистолета. – На практике, однако, почти всегда победителем в такой дуэли выходил именно пикировщик. Даже малокалиберные зенитные автоматы были страшны для пикировщиков только на выходе из пике. Поэтому, господа, во время пикирования вы думаете только о поражении цели. О том, как вы будете уклоняться от зенитного огня, вы думаете перед выходом из пикирования. А еще лучше – продумываете заранее, перед вылетом.

Воспоминания эти, пусть и не сильно, но помогали справиться со страхом. А уж когда пошли четкие и ясные команды, места для страха вообще не осталось.

Так, первый эшелон атаки отстрелялся ракетами... Красиво, чтоб его! Корневу было хорошо видно, как внизу появилась огромная огненная клумба. Ну да, если сравнивать взрывы с цветами, то сейчас именно гигантская клумба расцвела на защитном поле батареи, а вокруг расцвели такие же клумбы на защитных полях позиций зенитчиков. Вот только эти клумбы почти тут же и исчезли. Вместе с защитными полями. Дальше все пошло, пожалуй, даже еще красивее, ну если, конечно, со стороны смотреть. Те же самые багрово-черные клумбы, алые, темно-красные и ярко-рыжие сполохи огня лазерных пушек, огненные росчерки ракет, и все это от души сдобрено дымом самых разных оттенков серого, клубами желтовато-коричневой пыли, какими-то разлетающимися во все стороны обломками.

Внезапно перед Корневым все это великолепие открылось полностью – ни одна своя машина его не заслоняла, за исключением машины ведущего впереди и правее. Тут же пошла команда, и Роман заученными движениями отправил из-под крыльев своего «филиппка» восемь самонаводящихся и две дюжины неуправляемых ракет. Внизу что-то рвануло особенно сильно, а может, просто Корнев оказался ближе к взрыву, чем это было даже пару секунд назад. Ничего, не страшно... Выровняв машину, Корнев привычно осмотрелся. Родная эскадрилья, не теряя скорости, быстро и деловито формировала строй за своим командиром ротмистром Мелентьевым, а значит, и за самим Корневым – ведомым ком-

эска. Насколько мог понять Корнев, остальные эскадрильи по мере выхода из пикирования занимались тем же самым.

Снова собравшись в единый кулак, полк полетел по широкой дуге, чтобы одновременно с остальными машинами дивизии и флотских эскадрилий приступить к исполнению второй части плана – звездному налету. Атакуя сразу с трех сторон, русские истребители и штурмовики прошли по остаткам планетарной батареи и ее прикрытия очередями лазерных пушек, и, завершив работу, снова потянулись к авианосцам.

Корнев вылез из кабины и включился в общий разговор.

– Кто знает, что с Колькой Яшиным?

– Вроде подняли его на бот...

– Я что, врать буду?! Сам видел, как там фазанец летел!

Его взрывом подкинуло, он летит, ногами-руками машет!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.